

Татьяна Грачёва

Будущее зависит от нас...

А что, если это неправда?

Хамелеон
и бабочка

16+

Татьяна Грачева

Хамелеон и бабочка

«Автор»

2021

Грачева Т. А.

Хамелеон и бабочка / Т. А. Грачева — «Автор», 2021

Максим очарователен, изворотлив и фантастически удачлив. Он прирожденный лицедей и талантливый актер, чья сцена – сама жизнь. Он станет для вас кем угодно: верным другом, искусным любовником или просто приятным собеседником. Да, он излишне самоуверен, порой бесцеремонен до грубости, но он может себе это позволить, ведь именно ему по силам изменить будущее. Ваше будущее.

© Грачева Т. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

1 глава. Открытка «Кофейня»	5
2 глава. Открытка «Вокзал»	10
3 глава. Открытка «Перекрёсток»	19
4 Глава. Открытка «Торт»	29
5 глава. Ожидание открытки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Грачева

Хамелеон и бабочка

1 глава. Открытка «Кофейня»

Бабочка перелетела с подоконника на край тарелки. Сложив крылья, притворилась частью рисунка на стене и успешно вписалась в лазурный орнамент гжельской росписи на плитке. Максим наблюдал за ультрамариновой гостьей уже несколько минут, замерев и стараясь не шуметь, чтобы её не спугнуть. Такую расцветку ему ещё не приходилось встречать – бабочка была ярко-голубая, с тёмной каймой по краям трепещущих крылышек.

Украсив карамельным соусом хрустящую корочку вишнёвого штруделя, Максим добавил пару листиков мяты на шарик пломбира и отошёл на шаг, чтобы полюбоваться кулинарной композицией. Видимо, бабочка, разбуженная апрельским солнцем, прилетела на запахи кондитерской. На эти ароматы замечательно приманивались не только насекомые, но и посетители заведения «Рогалик и булочка».

Даже сейчас зал не пустовал, хотя время обеда прошло, и оголодавшие работники ближайших организаций и магазинов уже успели усмирить аппетит.

Бабочка почувствовала дуновение ветра из распахнутого окна и, вздрогнув, перелетела с тарелки на яркую открытку. Взгляд Максима переместился вслед за ней. Открытка была почтовой и обладала всеми соответствующими признаками: по периметру её украшали характерные потёртости, верхний правый угол занимала простенькая марка. Только на месте адреса отправителя значилось то место, где Максиму следовало оказаться ровно через сорок две минуты. Ещё утром он изучил изображение на лицевой стороне. Кофейню, запечатленную на фото, он хорошо знал, несколько раз заглядывал туда и даже пробовал их выпечку, мысленно поставив повару три с плюсом и взяв на заметку оформление окон. Через день и в его кондитерской появились уютные гирлянды с крупными стеклянными лампочками.

Ни поздравления, ни другого романтического послания на открытке не наблюдалось. Кривые строчки уходили вниз и намекали на заниженную самооценку отправителя. Может, он сильно торопился, а то и писал на весу. Почерк был неразборчивый, острые верхушки букв ошетинились, словно расчёска, кололись и выглядели кусачими. Максим хмыкнул: он быстро привык распознавать эти каракули, но когда-то они казались посланием от истинного врача с многолетним опытом шифрования рецептов.

Максим убрал брикет мороженого в холодильник и стянул с шеи белый фартук. В голове рассеянно бродили мысли, чуть бледные, нечёткие, смазанные музыкой и разбавленные головами, доносящимися из-за двери. Он давно снял с себя обязанности повара, использовал кондитерскую как свою собственную, оснащённую по последнему слову техники кухню. Иногда ему хотелось заняться творчеством или опробовать новое необычное блюдо, а ещё готовка успокаивала нервы. Собственного кабинета у него не было, под необходимое личное пространство он переоборудовал часть общей кухни. Стол у окна по умолчанию считался его «островом», никто никогда его не занимал. Не так давно Максим решился на сожительство и ещё не свыкся с постоянным присутствием девушки на своей территории, периодически сбегал в кондитерскую подышать ванилиновой свободой.

Максим неосознанно искал взглядом бабочку. Осиротевшая без живого украшения открытка вызывала покалывание в подушечках пальцев и томление где-то за диафрагмой. Чем меньше времени оставалось до «часа икс», тем сильнее становился этот странный зуд. Максим не просто к нему привык, он им наслаждался. Это приятное ощущение больше всего напоминало физическое возбуждение, пик восторга в самой высокой точке взлетающих качелей,

первую стадию опьянения... и всё это одновременно. Острое, щекочущее, давно ставшее личным наркотиком и, к счастью, всегда повторяющееся.

Потянувшись за полотенцем, Максим не заметил бабочку и случайно придавил её. Она нелепо шлёпнулась на пол и в попытках взлететь суетливо затрепыхалась. Максим приподнял её за крыло и поднёс к распахнутому окну. Когда он разжал пальцы, ветер подхватил лёгкое насекомое, но пронёс недолго. Бабочка приземлилась на асфальт и на несколько секунд затихла, а потом конвульсивно задергалась, то ли в предсмертных судорогах, то ли снова пытаясь взлететь. Лепестки цветущих абрикосов тут же присыпали её, словно снег, поглотили и похоронили.

Максим невольно нахмурился. В мысли тут же просочились все возможные последствия его неосторожного душегубства, озвученные бабушкиным напряжённым шёпотом. Он и хотел бы быть несуетливым, но не мог. От любимой родственницы ему достались не только цыганские чёрные глаза, но и вера во всякую чертовщину. Он вырос среди пышно цветущих предрассудков и сроднился с ними, как большинство свыкается с ежедневными ритуалами в виде чашки кофе или утренней зарядки.

Задержаться на этой мысли Максим не успел, дверь открылась, в комнату вошла Наташа. Точнее, вошла её грудь, Наташа появилась чуть позже.

– Максим Леонидович, какая красота, можно я сфоткаю?

Она достала телефон и приблизилась к столу. Мороженое подтаяло, но ещё держало форму.

– Леонидович? Наташ, ты чё? Фоткай, потом и съесть можешь.

Наташа намеренно выпятила грудь, блузка натянулась, пуговицы грозились вылететь из петель, а ткань – треснуть.

– Я, между прочим, на диету села.

Максим услужливо опустил взгляд. Оценил бюст и широко улыбнулся.

– Натали, какая диета? Такую красоту нужно холить и лелеять, а не истязать. Чтобы я про диеты от тебя больше не слышал. И вообще, кондитерская не место для этого слова, считай, это наш собственный «Волан-де-Морт», нельзя его тут произносить.

Наташа сфотографировала штрудель с разных сторон и подмигнула Максиму.

– Что бы ты без меня делал? Я тебе рекламу обеспечиваю и приток клиентов.

Максим вытер руки и слегка приобнял Наташу.

– За премией к Валерии, она хозяйка моего кошелька. От себя же могу только поцелуй выписать.

Он, конечно, лукавил. Валерия Юзёфовна была бухгалтером кондитерской и, как и все сотрудницы, прошла через стадию влюблённости в Максима. Достигла возраста, когда уже поздно носить пластиковую бижутерию, а бусы из янтаря – ещё рано. К Максиму она испытывала смешанные чувства: материнские, сестринские и просто женские. Валерия выполняла свои обязанности иногда с излишним рвением, будто не просто отвечала за прибыль вверенной ей организации, а экономила семейный бюджет. Кондитерская держалась именно на ней, Максим это понимал и выделял среди «своих женщин» дополнительным комплиментом.

Сотрудниц Максим баловал, иногда флиртовал. Они отвечали ему взаимностью, хоть и старались держать дистанцию, называя по имени-отчеству. Друзья Максима, посмеиваясь, именовали его кондитерскую «гаремом», но втайне завидовали цветнику и нарочно приходили сюда за кофе и булочкой.

Максим подхватил открытку, засунул в задний карман джинсов и изобразил воздушный поцелуй. С Наташей его в прошлом связывали отношения, оттого и позволялось ей больше, чем остальным. Расстались они без ссор и обид, сохранив в общении пикантные шутки и прилюдные объятия. Только дурак откажется от возможности прижаться к такой роскошной груди. Максим дураком не был, но и в измену эти тисканья не записывал.

– Сегодня блюдо дня – вишнёвый штрудель, подавайте с пломбиром, карамельным соусом и мятой.

Оказавшись в зале, он успел раздать ещё несколько улыбок двум официанткам. Новенькая на кассе смутилась и зарделась, явно не привыкла к вниманию и комплиментам. На любую вежливость она реагировала чуть ли не как на предложение руки и сердца. Максим нарочно выделил её персональной улыбкой и кивком головы. Эта игра в «объект обожания» доставляла ему удовольствие.

На улице он снова достал открытку и перечитал описание людей, в чьи судьбы ему предстояло вмешаться. Какое же это всё-таки всемогущество! Вот, наверное, что означает этот зуд. Наслаждение властью, гораздо более пьянящей, чем должность президента или получение «Оскара» за главную роль.

В кафе, изображённое на открытке, Максим пришёл заранее. Заказав чашку кофе, занял столик у входа. С наигранной медлительностью скользил взглядом по немногочисленным посетителям, присматриваясь к ним, но не выпуская из вида входные двери. К нему приглядывались девушки за соседним столиком. Максим привычно одарил их обаятельной улыбкой и отвернулся. В такие моменты он не любил отвлекаться, сосредотачивался на главном, подбирался, готовился к главному действию.

Мужчину из описания на открытке он узнал сразу. Невысокий, с претензией на стильность, но какой-то суетливый, словно кот с консервной банкой на хвосте. Посетитель заказал капучино, быстро расправился с напитком и направился к неприметной двери с табличкой «WC». Причина суетливости, оказалась банальной: он просто хотел в туалет и заказал напиток для оправдания физиологической потребности.

Максим бросил взгляд на наручные часы, убедился, что стрелка остановилась на «часе икс» и приблизился к дверям, за которыми скрылся мужчина. Щёлкнув замком, он сразу же вернулся к прилавку, заказал большой стакан латте. Едва Максим успел расплатиться, как ручка на туалетной двери дернулась, потом ещё несколько раз, и затихла. В кафе как раз вошла строгая ухоженная женщина с лицом судьи.

Максим улыбнулся ей искренне и широко.

– Как я рад тебя видеть, – стараясь не пролить кофе, он обнял незнакомку и отстранился. – Ты всё так же обворожительна.

Женщина растерялась и только поэтому не оттолкнула.

– Мы знакомы?

Максим поравнялся с собеседницей и, подхватив под локоть, предложил ей выйти из помещения.

– Конечно, знакомы. Ты меня не помнишь?

Представление под кодовым названием «обознался» никогда не подводило, а с прекрасным полом это вообще был самый распространённый сценарий. Дамы удивлялись, мыслями улетали в прошлое и оттого становились невнимательными к настоящему.

Женщина нахмурилась, явно почувствовала себя неловко и, кажется, устыдилась возможной амнезии. Видимо, в её биографии были события, которые она могла позабыть, надеясь на повальный склероз свидетелей её позора.

– Я хотела кофе купить, у меня перерыв на обед, – пробормотала она, не зная, как реагировать на эту встречу и комплимент.

– Я купил тебе латте, как ты любишь, с мятным сиропом.

Она благодарно кивнула, когда Максим придержал двери, и без сопротивления приняла стакан. Действительно, женщина хотела купить именно этот напиток. Это совпадение ослабило градус недоверия.

Максим легко прочитал на её лице целую гамму чувств: радость от того, что собеседник не лжёт, и одновременно боязнь, что забыла что-то важное, возможно, по причине не очень

приличной, кто его знает, что ещё стёрлось из памяти? К этим двум эмоциям примешивалось искреннее удивление, и Максим её понимал. Женщины обычно его не забывали, вот и эта засомневалась, что подобное возможно.

Дама вышла первой, Максим же едва не столкнулся в дверях с другой посетительницей. Кудрявая макушка проскользнула прямо перед его носом, обдав ароматом вишни. Рассматривать обладательницу пышной гривы было недосуг, Максим торопился увести новую знакомую подальше от кафе, пока та не сообразила, что он блефует.

На улице Максим оглянулся и сквозь прозрачные двери увидел, как кудрявая особа дёргает ручку, собираясь выпустить туалетного узника. Он нахмурился, приглядываясь к ней внимательнее. Лица не рассмотрел, но осанка, рост, причёска – было в этом что-то знакомое.

Проморгавшись, он в два шага нагнал новую знакомую. Она уже не выглядела такой растерянной, скорее казалась задумчивой.

Сделала глоток кофе и с опаской поинтересовалась:

– Где мы с вами встречались? Так неловко, кажется, я вас не помню.

Максим очень достоверно изобразил обиду. Чуть помолчал, но движения не остановил, продолжил уводить спутницу подальше от кафе.

– Лен, ты чего? Неужели не помнишь? Мы в параллельных группах учились на юрфаке.

– Я не Лена, – женщина остановилась резко, едва не расплескав кофе. – Вы обознались. И на юрфаке я никогда не училась.

– Как не Лена? – Максим добавил к обиде смущение и даже распахнул глаза в неприязнительном изумлении. – Как же неудобно получилось. Простите ради бога. Вылитая Лена.

– Меня зовут Вера. С латте вы очень точно угадали.

Максим обезоруживающе улыбнулся.

– Вот это совпадение. Надо же. Раз уж мы познакомились, давайте я провожу вас к месту работы, побеседуем, если вы, конечно, не против. Я, кстати, Максим.

Вера задумалась всего на мгновение. Внезапный знакомый располагал искренней улыбкой, обладал всеми признаками породистого самца и жгучим взглядом, вкусно пах совсем не брутальным коктейлем из ванилина и корицы. Такие мужчины с неба не падают, а к ней и подавно никогда не подкатывали на улице. Глупо не воспользоваться этим знакомством, пусть и ошибочным.

Максим жестом предложил продолжить движение, на всякий случай оглянулся и чуть не споткнулся. Туалетный узник стоял на тротуаре и смотрел им вслед. Веру он явно знал, на лице застыло изумление и тоска, как у ребёнка, впервые оставленного в детском саду и не понимающего, почему мама его покидает.

Их встречу и беседу удалось предотвратить, но не всё прошло гладко: они вообще не должны были увидеть друг друга. Если бы кудрявая особа не поторопилась выпустить мужчину из туалета, Максим успел бы увести Веру подальше от кафе, и не было бы этого больного прощального взгляда. Теперь у Максима осталось ощущение, что он не совсем справился. Это злило. Он привык всё делать играючи, даже не готовился заранее, действовал по обстоятельствам, прислушиваясь к интуиции. И та никогда не подводила.

Веру он проводил до самых дверей администрации, где она, как оказалось, работала. Ещё немного пофлиртовал, поддержал беседу, но номер телефона не попросил. Попрощавшись, он сразу же отправился домой. По дороге ещё раз перечитал текст на открытке. Речь всё-таки шла о необходимости помешать встрече, и это почти получилось.

Максим снова спрятал послание и погасил улыбку. Кажется, он вспомнил, где видел эту «пышноволосую помеху», и даже вспомнил её имя – Зоя. Такое же кудрявое, как и она. Имя напоминало загогулину, звенело и чуть-чуть извивалось. Почему-то в голове Максима всплыла мысль о раненой по неосторожности бабочке. Бабушка наверняка назвала бы это плохой приметой и посоветовала пролечиться от сглаза.

Фрагмент из записной книжки Максима «Путь к сердцу женщины». Штрудель с вишней.

Вишню без косточек (лично убедитесь в их отсутствии, не обращая внимания на то, что написано на упаковке, стоматологи нынче обходятся дорого) заранее разморозьте, переложите в сито и оставьте, чтобы стёк весь сок (из него можно сделать обалденное желе или просто, как я, вылить в раковину). Миндаль измельчите при помощи блендера. Обжарьте его вместе с сухарями на сливочном масле около минуты. Далее добавьте сахар и перемешайте до однородности.

Слоёное тесто (ненавижу его слоить, можно купить у проверенных и профессиональных «слоителей») немного раскатайте. Тонкий пласт смажьте маслом, равномерно распределите на нём подготовленную присыпку, отступая 3-5 мм от края. Выложите вишни, подогните пласт по сторонам. Сверните рулет, после каждого оборота смазывайте верхнюю сторону маслом. Защипните шов. Осторожно положите получившийся штрудель швом вниз (только не инуровкой наружу!¹) на противень, застеленный бумагой. Смажьте растопленным сливочным маслом и выпекайте в предварительно разогретой духовке при 180-190 °С 40-45 минут.

Подавайте, украсив карамельным соусом, с шариком пломбира и мятой. Девушки любят этот десерт до, после, а иногда вместо.

¹ «Шнуровкой наружу» маниакальная фраза одного из героев из фильма «Эйс Вентура: Розыск домашних животных».

2 глава. Открытка «Вокзал»

Зоя носилась по дому, слегка притормаживая в дверных проёмах. Будильник почему-то прозвенел тихо, даже вибрация не прожужжала, и, естественно, утро наступило позже, чем нужно.

Антон ловил её, подавая то кружку с кофе, то расчёску, то зубную щётку, уже намазанную пастой. Он давно привык к тому, что с Зоей редко всё идёт по плану, не то чтобы она была злостной нарушительницей режима и постоянно опаздывала, но вокруг неё всегда что-то происходило, не по её вине и уж точно без её желания, девушка буквально притягивала недоразумения и нелепости.

Зоя стянула непослушные волосы в высокий хвост и, перекинув через плечо лямку рюкзака, торопливо чмокнула Антона в губы.

– Я до обеда в зале, потом по магазинам, нужно же обживаться, создавать уют.

Антон дёрнул убегающую Зою за край кофты, заставил обернуться и снова поцеловал, но уже основательнее.

– Мама звала поужинать у неё. Будет пирог готовить. Игорь придёт в гости с девушкой. Познакомьтесь.

– Хорошо, можно не париться на кухне. Игорь – это который физрук?

– При нём так не говори. Он только недавно смирился, что путь в большой спорт ему заказан, на «физрука» реагирует как на оскорбление.

Зоя кивнула, пытаясь запомнить. По закону подлости и её собственной непутёвой жизни, она обязательно брякнет что-то неподходящее.

– Всё, пока. Отпускай меня, а то опоздаю. Ненавижу опаздывать. Ах да, Черепукинена покорми!

Учитывая вечно распадающуюся вокруг Зои реальность, ей приходилось постоянно всё записывать, раскладывать по строго отведённым местам и перепроверять. Дотошность и тяга к упорядочиванию давно превратились в привычку. Только это помогало не запутаться и сохранить видимость контроля над собственной жизнью. Из домашних питомцев у Зои прижилась только предсказуемая медлительная черепашка, возраста которой никто не помнил. Имя у неё менялось раз шесть, прижилось вот это, данное несколько лет назад, абсолютно случайно. Кормить питомицу Зоя регулярно забывала, Черепукинен выбиралась из тесного аквариума и бродила по дому в поисках еды. Шуршала, царапала полы и пугала немигающим хищным взглядом. Зоя её боялась, любила, а ещё немного уважала, даже на новое место жительства перевезла. Это было единственное домашнее животное, которое смогло вписаться в её хаотическое существование.

Высвободившись из объятий Антона, Зоя направилась к двери. На пороге оглянулась на окна соседнего строения – там жила её будущая свекровь. Дом, в который они въехали несколько дней назад, построили родители Антона – прямо рядом со своим приземистым немного кривоватым жильём без фундамента. Участок не разграничивался забором, только полоской газона и дорожкой, ведущей к хозяйственным постройкам.

Антон рассказывал, что когда-то родители держали индюков и даже кроликов, но сейчас остался только сарай, заваленный всяким хламом, и пустые ржавые клетки. Отсутствие хозяйства Зою вполне устраивало.

Двор густо зарос деревьями, малиной и кустами смородины, судя по всему, лето пройдёт в попытках всё это богатство законсервировать или продать. Урожай в любом случае придётся собирать. Сейчас яблони пышно цвели, благоухая на весь двор, апрельское солнце ещё не припекало, хотя деревья пока не отбрасывали спасительную тень, а воздух гудел от проснувшихся насекомых.

Между их домом и родительским под жестяным навесом стояла будка с ржавой цепью и пустым ошейником. Трёхцветный дворняга Чаплин бродил по двору привольно, хозяйничал в сараях, подкапывал забор и заливался лаем без причины, в основном на птиц и пчёл. Гостей зализывал до смерти и охранял разве что свой тайник с косточками и заплесневевшими корками хлеба.

Ближе к забору расположился палисадник, в траве виднелись тюльпаны и нарциссы. Несчастные цветы попали в плен чудищ из покрышек, скрученных в виде кособоких лебедей и других неведомых существ. Вдоль дорожки, ведущей к крыльцу, выстроились пальмы из пластиковых бутылок, основательно потрёпанных непогодой. Подобный ландшафтный хендмейд распространился по всему участку. Пни естественно превратились в имитацию мухоморов, а ножки скамейки напоминали берёзовые стволы.

С первого взгляда Зоя поняла, что в этом доме вещи не выбрасывают, и что мама Антона – женщина с фантазией. Пожалуй, с гиперэкономными родителями Зои она найдёт общий язык.

С тех пор как шесть лет назад Зоя уехала из Краснодара, город изменился, разросся, облагородился, но всё ещё поражал контрастами. Многоэтажки соседствовали с частными домами, огромные торговые центры подпирали старые домики советской постройки. Родители Антона возвели высокий забор, отгородившись от шума улиц, сохранили на участке ощущение настоящего деревенского подворья. Но стоило выйти на улицу, как со всех сторон наваливался шумный многоголосый город.

Зою радовало, что дом им достался отдельный, а потому не придётся жить под постоянным присмотром Тамары Тимуровны. Хотя за эти три дня стало понятно, что вмешиваться та будет в любом случае. Единственного сына женщина абы кому отдавать не собиралась. Внешность Зои будущую свекровь сильно настораживала. Она не пыталась это скрыть и в лоб спросила, кто из её родителей Лумумба. Зоя едва сдержалась от колкости и поведала краткую историю знакомства родителей.

«Лумумбой» был её отец. Он приехал из Южной Африки обучаться в медицинской академии и остался в России. Ещё в студенчестве женился на русской девушке, одарив потомство удивительной смесью генов. От папы Зое достались кудрявые волосы, смуглая кожа и экзотические черты лица, а от мамы – абсолютно славянский курносый нос и веснушки.

Антон уговорил Зою вернуться в город его детства. Здесь они когда-то учились в институте и познакомились. Но обитали в разных группах и практически не общались. К более близким отношениям перешли относительно недавно, после повторного знакомства в интернете. Если всё сложится, как планирует Тамара Тимуровна, эту фrivольную историю они будут рассказывать своим повзрослевшим детям.

Предложение использовать педагогическое образование в школе, а не для работы репетитором, стало поводом съехаться. Мама Антона давно звала сына на малую родину, но окончательное решение он принял, когда позвонил старый друг. Игорь числился физруком и пригласил его на внезапно освободившееся место. Преподавательский состав лишился химика, близились экзамены, срочно требовался новый педагог, желательно с опытом работы и хорошими рекомендациями.

Предполагалось, что после летних каникул Антон получит полную ставку, а до конца учебного года ему придётся существовать в статусе учителя на замену. Потерпеть стоило. Это была не просто школа, а уважаемый престижный лицей, педагоги не только хорошо зарабатывали, но трудились в комфортных условиях.

Зоя поддержала идею Антона, город ей нравился, с ним были связаны яркие воспоминания о юности, студенческих вечеринках и влюблённостях. В особенности об одной вечеринке и влюблённости, закончившейся... ничем.

А ещё Зоя любила солнце, всегда считала, что эта страсть досталась ей от отца. В Краснодаре вернулась воодушевлённая и весёлая. В первый же день случайно нашла работу в новом тренажёрном зале. Стоя в очереди у кассы в спортивном магазине, разговорилась с таким же скучающим мужчиной. Узнав, что она тренер, Олег тут же зазвал её в свой зал. Оба остались довольны не только скидками на фитнес-ленты, но и знакомством.

Тамара Тимуровна приняла Зою радушно. Та вернула ей сына, что стало веской причиной стать терпимее к будущей невестке. Она сразу дала понять, что настроена серьёзно, и то, что они сами обзывали отношениями, переквалифицировала в предбрачное состояние.

Зоя скептически хмыкнула и прилепила к Антону отчество Тамарович, очень уж он прислушивался к маме. Только оказавшись в новом доме, Зоя узнала, что отец у Антона тоже имеется, но почему-то в беседах он никогда не всплывал, словно его и не существовало. Константин Андреевич был прикован к постели и редко показывался на улице. Антон как-то между делом упомянул, что отец после инсульта частично парализован, плохо видит и не совсем адекватен. Практически не говорит, а если что-то и произносит, то это полная околесица или поток сквернословия.

За неделю, прожитую в новом, пропахшем краской доме, Зоя ни разу не видела будущего свёкра. Хотя под навесом между домом и гаражом стояла инвалидная коляска. Несколько дней назад прошёл дождь, колёса её облепили комья грязи и трава. Значит, состоялась прогулка. О Константине Андреевиче не говорили и не звали с ним знакомиться. Словно стыдились. Пока ещё Зоя не могла разгадать, почему из его инвалидности сделали такую тайну, и на визит не напрашивалась.

Попрощавшись с Антоном, Зоя захлопнула калитку и на несколько секунд приостановилась. Зажмурившись, вдохнула тёплый, сладковатый из-за цветущих яблонь воздух. За соседским забором залаяла собака, заливисто откликнулся Чаплин. Разношёрстный городской гул прорезал тренькающий звонок, а вслед за ним послышался громкий оклик. Мимо Зои пронёсся велосипедист. Объезжая её, он едва не врезался в другого пешехода, резко затормозил. Сразу с двух потерпевших сторон полетели экспрессивные ругательства. Никто не пострадал, но адреналин выплеснулся через крики и мат. Зоя поморщилась: не любила, когда при ней так грязно выражались. Она не стала досматривать представление и поспешила на автобус.

Ещё за несколько шагов до остановки Зоя увидела собравшуюся толпу, видимо, за место в транспорте предстояло повоевать. Автобус только приблизился, ещё не остановился, а люди уже ринулись к дверям. Протиснувшись сквозь толкучку, Зоя ступила на подножку, но потом передумала и пропустила вперёд увешанную сумками женщину. Ехать в такой тесной духоте – только портить себе с утра настроение.

Дождавшись следующего автобуса, к счастью, не такого переполненного, она заняла место на задней площадке. Развернулась к окну и отгородилась от пассажиров спиной, а от действительности – наушниками.

Она не сразу заметила кондуктора. Услышав, что к ней обращаются, резко развернулась и случайно толкнула локтем парня, как раз передававшего мелочь за проезд. Монеты посыпались на грязный пол, покатались под ноги и сиденья. Зоя проводила взглядом блестящий рубль и ринулась собирать обронённые деньги.

– Блин, простите. Я нечаянно.

Парень потянулся к карману и одновременно к Зое.

– Ничего страшного, это же мелочь.

Зоя виновато улыбнулась.

– Я заплачю.

– Ещё чего. Сам заплачю. Просто у меня крупная купюра, боялся, что долго будут сдачу искать, если вообще найдут.

Кондукторша выслушала их и заговорила с таким видом, будто неверие в способность разбить любую астрономическую сумму оскорбило её лично.

– Что там у вас?

Парень протянул пятитысячную купюру, жутко смущаясь, будто попросил разменять слиток золота. Пассажиры, привлечённые звоном монет, уже не таращились, занялись своими делами, уткнулись в экраны телефонов. Парень забрал сдачу, быстро опустил небрежно сложенную стопку купюр в карман и переглянулся с Зоей. Ей всё ещё было неловко и стыдно за свою неуклюжесть.

– Простите, – пробормотала она и отвернулась за секунду до того, как неглубоко спрятанные деньги выпали из кармана случайного знакомого.

Парень вышел, Зоя высадилась на следующей остановке, а спустя несколько минут деньги обнаружила кондукторша. Пожав плечами, она спрятала их в кошелек, естественно, догадавшись, откуда привалило счастье.

Тренажёрный зал, в котором теперь работала Зоя, отвоевал себе помещение в новом комплексе, отведённом почти полностью под царство телесного процветания. На первом этаже приютились салоны красоты, колдующие при помощи шугарингов, пилингов и скрабов, третий этаж занимал бассейн и фитобочка, на самом верху здания гнезвился центр аэройоги. Гуру обещали не только обучить гуттаперчевым выкрутасам в гамаках, но и подарить духовное очищение.

Комплекс сверкал блестящими окнами и пах новизной, ещё не пропитавшись человеческим присутствием, и больше напоминал выставочный макет с идеальными пока плитингами и белоснежной краской на стенах.

Благодаря тому, что тренажёрный зал размещался на четвёртом этаже, работа над телом начиналась ещё у входа в здание. На ступеньках красовались шуточные мотивирующие наклейки с якобы сожжёнными калориями. Эти надписи не имели ничего общего с реальностью, но здорово воодушевляли на подвиги.

Зал занимал весь этаж и поражал внушительной территорией. У панорамного окна выстроились беговые дорожки и эллиптические тренажёры, в центре помещения располагалась площадка для кроссфита и боксёрские груши. Большую часть пространства занимали блестящие новенькие металлические конструкции. В нескольких местах на балках висели плоские экраны, на которых не прекращался показ мотивирующих роликов.

Люди с идеальными телами демонстрировали всевозможные упражнения: прогибались, наклонялись и поигрывали мышцами. Женщины в основном выпячивали пятую точку, причём выполняли упражнения, наиболее подходящие для показа выдающихся ягодиц. Бодрая музыка вплеталась в пульс, заставляя бежать, прыгать и стремиться к такому же совершенству. Огромные баннеры с той же тематикой украшали стены, перемежаясь с зеркалами.

Зоя работала здесь третий день и, пока не набрала группу, приходила на несколько часов. Кроме неё, в зале имелись и другие тренеры, но знакомство состоялось только с одним – Кириллом, огромным, могучим двойником Дуэйна Джонсона². Говорил Кирилл громко, легко заглушая басом любую мелодию, даже рок. Он перемещался по залу медленно и устрашающе, как цунами. Этакий классический качок, пожирающий килограмм творога, десяток яиц и упаковку куриного филе. И это только на завтрак. С Зоей он общался приветливо, немного покровительственно, но вот с подопечными не церемонился, прикрикивал, угрожал и унижал.

Нынешним утром Зою встретил Олег – хозяин зала. Улыбнулся, протянул стопку новеньких визиток.

– Привет. Проверь, правильно ли написали. Если всё устраивает, закажу больше.

² Дуэйн Джонсон актёр, американский рестлер, известный также под псевдонимом Скала.

Зоя рассмотрела глянцевый прямоугольник с номерами телефонов и адресами страниц в социальных сетях.

– Всё верно. Красивые, яркие такие, – она покрутила в пальцах визитку, ловя солнечные блики.

– Эти себе возьми, раздашь кому-нибудь, новые я сам распространю.

– Хорошо.

– Я к тебе двух девчулей записал, и ещё двое подопытных скоро придут.

Сверив расписание Зои, Олег отпустил её в раздевалку. Провожая взглядом, он оценил спортивную фигуру и, одобрительно кивнув, переглянулся с Кириллом. Только вчера они хорошо обсудили Зою, ждали её знакомства с Костей и Павлиной. Больше, конечно, с Павлиной. Делали шуточные ставки на возможную конкуренцию.

Когда Зоя вернулась в зал, Кирилл взмахнул ручищей в знак приветствия и снова перевёл грозный взгляд на пытящую на тренажёре девушку.

– Жирная корова, как пирожки есть, так запросто, а как худеть, так «мне тяжело, не могу». Сопли подбери и терпи. Живот сам по себе не отвалится, жопа не вырастет!

Зоя сдержанно улыбнулась. В каждом зале, где она работала, встречался подобный тренерский типаж. На некоторых действовал только кнут, именно кнутом и был Кирилл. Он умел припугнуть и хорошенько пропесочить, в кармане носил флакончик с нашатырём от обмороков и мятную жвачку от тошноты. Использовались они регулярно, ибо подопытные Кирилла часто достигали то одного, то другого состояния. Боялись признаться, что им дурно, предпочитали умирать молча, лишь бы не навлечь его гнев.

Зал не пустовал. Некоторые тренажёры заняли те, кто занимался самостоятельно. По дорожкам вышагивали женщины. Они болтали и посмеивались, иногда поглядывали на площадку с гантелями, где расположилась целая компания мускулистых самцов с худыми ногами. Кирилл иногда подходил к мужчинам, что-то подсказывал, но сильно не вмешивался. За эти советы ему не платили, но смотреть на неправильную технику и молчать не позволял профессионализм. Если скучал без клиентов, тренер вполне мог изобразить доброго дядюшку и бесплатно проконсультировать, а заодно немножко унизить.

Зоя переделалась и заняла одну из дорожек. До прихода своих клиентов успела покачать пресс и отжаться. Пара, которую она ожидала, досталась в наследство от Кирилла. Мать и сын Кулискины. Они не пережили общения с грубым и прямолинейным тренером и попросились к ней. Зоя сразу разглядела причину их появления в тренажёрном зале. Старшая Кулискина не планировала заниматься и пришла сюда ради сына.

Невысокий скромный Сергей никак не мог найти общий язык со своим телом, боялся его и не доверял. Нарочно изображал вселенский пофигизм, но при этом вздрагивал от каждого шороха и с опаской поглядывал в зеркало. То, что показывали в мотивирующих роликах, сильно отличалось от того, что он видел в отражении. Несмотря на излишнюю худобу, он мог похвастаться смазливой мордашкой и, если бы не излишняя робость, наверняка пользовался бы популярностью у ровесниц.

Зоя составила для него план тренировок, но уже с первого занятия поняла, что проблема гораздо глубже, и одними тренажёрами тут, конечно, не обойтись. Мама только усугубляла его неуверенность, постоянно одёргивая, отвечая вместо него даже на вопросы о школе.

– Ирина, у вас сегодня кардио, а Серёжу пока буду обучать становой тяге.

Зоя неслучайно отправила старшую Кулискину на беговую дорожку и приготовила для неё упражнения в другой части зала. Она задумала вывести и без того неуверенного парня из зоны материнской заботы. В идеале родительницу вообще не следовало сюда пускать.

К середине тренировки Сергей уже не выглядел как улитка, внезапно лишившаяся панциря, перестал вжимать голову в плечи и отвечать на вопросы шёпотом. Как и любая представительница женского пола, Зоя его смушала. Он изо всех сил делал вид, что её чисто рабочие

прикосновения ему безразличны, но при этом очень красноречиво заливался румянцем. Изучение становой тяги превратилось в муку для них обоих. Зоя в который раз убедилась, что в таком возрасте тренер-женщина не самый лучший вариант. Сергей реагировал на каждое прикосновение, а заметив, что это не секрет для Зои, окончательно оробел и впал в ступор. Девушка тоже чувствовала себя неловко, переживала, что он решит, будто она нарочно к нему прикасается, и увидит в этом флирт. К сожалению, такое случилось.

Сразу после Кулискиных пришли новые клиенты. До обеда Зоя поработала с двумя женщинами. Внезапно её услугами заинтересовался один из «гантельных атлетов». Зоя недоверчиво сощурилась, но согласилась. Если начнёт приставать, она просто откажется его тренировать или же позовёт Олега.

К счастью, приставаний не случилось. Правда, и тренировка вышла слабой: Стас успел себя замучить ещё час назад без Зоиного участия, когда франтил перед посетительницами, а потом попался на глаза свободному и скучающему Кириллу.

Домой Зоя не торопилась, купила новое покрывало и выпила капучино в кофейне, в той самой, где вчера столкнулась с мужчиной, очень похожим на Максима. С одной стороны, ей хотелось, чтобы это был он, с другой – Зоя даже боялась, что не обозналась. Лучше бы ему остаться ярким эпизодом из прошлого и не возвращаться в её жизнь.

До того вечера и после они не встречались. Осталось только жаркое воспоминание, чуть приправленное тоской о несостоявшейся любви. Или о том, что могло ею стать. Где-то в глубине души Зоя понимала, что ничего у них не получится, не рассчитывала на продолжение, а потому совершенно отпустила тормоза.

А ведь Антон тоже был на той вечеринке. Они топтались под медленную мелодию несколько минут, что оставило в памяти туманный и размытый след. Как и другие танцы в объятиях однокурсников. А вот всё, что произошло позже с Максимом, засело в голове повторяющимся вирусным роликом, слишком ярким, очень терпким. Иногда Зоя распаковывала это воспоминание и смущённо замирала.

Когда Антон рассказывал про студенческие годы, Зоя каждый раз поражалась, как часто он оказывался рядом и оставался ею незамеченным. Если бы он не написал ей в социальных сетях, не было бы ни отношений, ни переезда в Краснодар, ни планов на будущее.

Зоя вела свою рабочую страницу, активно выкладывала фотографии из тренажёрного зала. Её профиль пользовался популярностью не только у будущих клиентов, но и у извращенцев, перебравшихся из тенистых парков в закоулки интернета. Психов и эксгибиционистов не стало меньше, теперь их ареал обитания не ограничивался местом проживания.

Она регулярно получала сообщения с предложениями познакомиться и фотографиями не самого приличного содержания. Раньше она только слышала о снимках того самого органа, а теперь могла похвастаться целой коллекцией. Правда, почти сразу любители частей тела попадали в чёрный список, не успев дожидаться ответной реакции.

А ведь поначалу она пыталась их вразумить или пристыдить. Последней каплей стало мрачное монохромное фото чуть ли не в чёрной рамке. Выглядело это как реквием по утерянному органу. Для полноты картины не хватало только похоронного марша Шопена и двух увядших гвоздик. Зоя не выдержала и написала хозяину трагичного снимка: *«Я вам сочувствую, но помочь не могу. Не видела драгоценную пропажу, хотя недавно соседский пёс таскал по двору нечто, похожее на предмет вашей гордости».*

И сразу же заблокировала нескромного любителя чёрно-белых фильтров.

Через несколько минут пришло новое сообщение с предложением познакомиться. Зоя ещё кипела, в ней клокотал язвительный гнев, и она грубо отшила неудачливого поклонника. А это и был Антон. Такая резкая отповедь его порядком удивила и... напугала. Он растерялся на целую неделю, а потом предпринял ещё одну попытку. Зоя нравилась ему ещё во времена студенчества, но, как обычно бывает, не догадывалась об этом. Слишком разные у них были

интересы и увлечения. Неугомонную Зою всегда окружали друзья, временные поклонники и суета, он же отдавал все силы учёбе, а девушек побаивался. Любил её молча, на расстоянии, как настоящий терпеливый рыцарь.

От общего знакомого Антон случайно узнал, что Зоя живёт с ним в одном городе, и рискнул написать. Три дня грыз от волнения ногти и прокручивал в голове сценарий беседы, выпил для храбрости, отрепетировал речь... а в ответ получил грубый категоричный отказ.

Из шкуры ботаника он давно вырос, а потому повторил попытку. За настойчивость и верность был награждён кусочком счастья. До сих пор не мог поверить, что Зоя рядом, позволяет себя целовать и видеть в самом трогательном беззащитном виде – ещё сонной по утрам.

Их отношения развивались быстро. Оба давно избавились от иллюзий и комплексов, ценили комфорт и личное пространство. Им было удобно и уютно, а временами и нежно. Полгода они встречались то на съёмной квартире Антона, то у Зои, но, так как та жила с родителями, чаще, конечно, у него. Подъездной романтики уже не хотелось, оба нуждались в комфорте и стабильности.

Зоя не лукавила и не притворялась: Антон ей действительно нравился. Немногословный и очень привлекательный. Он ухаживал за густыми волосами и знал, что такое маникюр. Ученики его уважали, а ученицы регулярно влюблялись. Для Зои так и осталось загадкой, почему в студенчестве у них ничего не сложилось. Сейчас они могли бы уже праздновать деревянную свадьбу и, вероятно, воспитывать детей.

Тамара Тимуровна стала катализатором их отношений. Теперь всё было по-настоящему серьёзно. Зоя побаивалась этой основательности, несмотря на проверенные обоюдные чувства, и замуж пока не собиралась. Будущая свекровь её отпугивала навязчивостью и матримониальными планами.

Антон пришёл домой уставший, опустился на диван, приподняв ноги Зои, уложил их на свои колени и потёр затылок.

– Через час придёт Игорь с девушкой, хорошо, что мама всё приготовила, сил реально нет. Такое ощущение, что я не обучал детей, а воевал с ними. Какой всё-таки сложный возраст у старшеклассников.

Зоя отвлеклась от телефона.

– Я помню только, как было весело в школе и... беззаботно.

Антон хмыкнул, его собственный опыт взросления горчил и кололся.

– У нас с тобой был разный пубертат. Большинство его проходит болезненно. Некоторые ученики похожи на зверёнышей. Я их побаиваюсь. И ведь нельзя с урока выгнать и повысить голос. Скучаю по старым добрым средневековым пыткам.

Зоя на секунду задумалась: вспомнился робкий Сергей с утренней тренировки. Да уж, Антон прав. Не у всех остаются тёплые воспоминания о старшей школе.

Она тряхнула головой, возвращаясь к мыслям о гостях.

– А девушка Игоря кто? Тоже бывшая волейболистка, как он?

– Нет вроде, – задумчиво протянул Антон, – если честно, не знаю. Сегодня как раз и спрошу. О, ты плед новый купила. Симпатичный.

– Пледом, конечно, комнату не спасти. Боюсь, телевизор всё равно придётся купить. А то у нас из развлечений только секс.

Антон шутливо покачал головой.

– Зойка, блин.

Она приподнялась, поцеловала Антона сначала легко, а потом глубже. Он ответил на поцелуй, но, когда почувствовал её пальцы на пряжке ремня, остановил.

– Не стоит, скоро гости придут, а я ещё и не мылся. Хочу успеть душ принять.

Зоя пожала плечами, откинулась на подушку и снова погрузилась в телефон. Антон не был асексуален, любовью занимался с удовольствием, умел его доставить. Но поклонником

быстрого секса не был, не выводил его на первый план отношений. Вполне мог обойтись без близости несколько дней, не набрасывался на неё в неподходящих местах и не просил разнообразить отношения. А ей нравилось его смущать, строя из себя нимфоманку. Почти всегда Зоя чувствовала, когда Антон её остановит, и нарочно изображала безудержное желание. О «предающем теле» она знала только из книг, её собственное предало всего один раз.

Поначала она сожалела о своём легкомысленном поступке, но чем больше проходило времени, тем меньше её мучили угрызения совести. Когда Антону хотелось близости, а Зое спать, иногда случалось и такое, она представляла на его месте именно Максима и снова перехватывала инициативу.

Опять Зоя вернулась мыслями к мужчине, мелькнувшем в её жизни вспышкой шесть лет назад.

Максима нельзя было не заметить. И дело даже не в росте. Он излучал такую бесшабашную непоколебимую уверенность в своей привлекательности, что и другие не могли в ней сомневаться. И даже сломанный, сросшийся не совсем ровно нос не портил его, скорее добавлял особенность, которую потом охотно отмечали очарованные им девушки. Максим не отличался ни модной одеждой, ни стильной причёской, но широкой искренней улыбкой мог растопить самое чёрствое сердце. В первые же секунды обратил на себя внимание и удерживал его весь вечер. Зоя не могла отвести от него взгляда, краснела, как дурочка, едва он поворачивался в её сторону. А он не просто поворачивался, он явно с ней флиртовал.

Зоя так и не поняла, почему в тот вечер он выбрал именно её. Знакомы они не были, Максим не входил в число выпускников. Внезапно появился в квартире её однокурсника, видимо, был приглашён как друг или родственник. Выгнать его никто и не подумал. Напоили и пустили в круг танцующих.

А потом случилось то, что случилось.

Припомнив лукавый взгляд и широкую улыбку, Зоя печально вздохнула. Где сейчас этот Максим, думает ли он хоть иногда о той бесшабашной ночи?

Пока Зоя предавалась жгучим воспоминаниям, Максим находился на другом конце города, а именно, на автовокзале. Ещё утром он получил открытку и весь день в предвкушении и нетерпении ожидал «часа икс». В таком взвинченном, зудящем состоянии секс был особенно хорош, он уже давно отметил эту особенность и использовал, как только Дина позволяла.

Максим расположился на скамейке, поглядывал на открытку и лениво пил растворимый кофе. На вокзале продавали только эту бурду, а к вечеру заметно похолодало. Весна пока ещё не распространилась на тёмное время суток, отступала вместе с закатом.

Максим скользил взглядом по платформе и ждал.

Наконец на ступеньках появился парень, по описанию похожий на юношу с открытки. Выглядел он растерянным и сбитым с толку, судорожно копался в карманах и хмурился. Постепенно растерянность перетекла в откровенную панику. Он прошёлся по карманам ещё раз и протяжно, со стоном, вздохнул.

Максим выбросил пустой стаканчик и приблизился к парню.

– Извини, это не ты обронил на ступеньках? Вроде у тебя из кармана вывалилось.

Он протянул помятую стопку купюр самого разного достоинства. Сумма была немного меньше той, что досталась кондукторше, но, самое главное, её хватало на билет.

– Я, наверное, – неуверенно признался парень. Он и сам не знал, его ли это деньги и где он потерял свои, но на всякий случай взял. – Спасибо.

– Пожалуйста, – улыбнулся Максим, – будь внимательнее, у тебя карманы неглубокие, застёгивать нужно.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарил парень.

Максим накинул капюшон толстовки, глубоко засунул руки в карманы и направился к выходу. В этот раз всё прошло гладко.

Сегодняшней открытке предстояло оказаться в ящике со счастливицами, а не в тощей стопке редких неудачниц. Зуд утих, но осталось удовлетворение от хорошо проделанной работы. Ещё одно приятное состояние, которое прекрасно сочеталось с куском шоколадного муссового торта. Вот его, пожалуй, он и сделает завтра блюдом дня в «Рогалике и булочке».

Фрагмент из записной книжки Максима «Путь к сердцу женщины». Муссовый шоколадный торт.

Для основы используйте шоколадное бисквитное тесто. Изюминка этого торта – мусс. Для начала подготовьте желатин, оставьте его набухать и начинайте делать бисквит. Готовый шоколадный диск бисквита пилите, Шура, пилите. Вам нужна только третья часть. Оставшийся бисквит отдайте нуждающимся (тем, кто его не умеет выпекать).

Желтки разотрите с половиной сахара, подготовленного для мусса. Вторую половину смешайте с молоком и поставьте на огонь, но не кипятите. Тонкой струйкой влейте в желтки с сахаром подогретую смесь. Постоянно проверяйте температуру. Должно быть около 85 градусов, не больше, а то сварите сладкий омлет.

Когда смесь постоит пару минут, влейте в неё желатин и добавьте шоколад. Не забывайте работать венчиком (бицуха должна утомиться перед поеданием такого потрясающего, тающего на языке десерта, дама оценит и торт, и бицуху).

В чудо-смесь добавьте взбитые сливки. Главное, удержитесь от желания слопать мусс на этой стадии приготовления. Он настолько аппетитно выглядит и пахнет, что это жуткий соблазн (три первых торта я съел в жидком виде).

На дно формы уложите тонкий диск бисквита. Сверху залейте муссом и поставьте в холодильник на четыре часа, лучше на ночь. Всё.

Подавайте со свежими ягодами, а ещё лучше украсьте шоколадом. Его много не бывает. Шоколадный торт с шоколадом – звучит как песня.

3 глава. Открытка «Перекрёсток»

Максим с удовольствием потянулся, глубоко вдохнул и только потом открыл глаза. Сначала пахло аппетитно, ванилью и кофе, а потом в аромат вплелись нотки гари.

Приподнявшись на локтях, Максим обвёл комнату взглядом.

– Ди-и-ин! Что у тебя там горит?

На кухне что-то гроыхнуло, покатилося по полу.

– Не горит, жарится! – слышалось из-за стены.

Максим встал, надел трикотажные штаны и, закинув руки за голову, снова потянулся. Поймав своё отражение в зеркале, полюбовался чёткими линиями мышц. Увиденным остался доволен и подмигнул своему зеркальному двойнику.

Пока он умывался, запах кулинарной катастрофы усилился, даже воздух в квартире помутнел, наполнился дымом. Максим вышел в коридор и едва не наступил на хвост коту. Тот ринулся наперерез, видимо, бежал к балкону, спасаясь от пожара.

– Домовой, блин, чуть не раздавил.

Следом за котом, громко клацая ногтями по паркету, пронёсся и пёс.

– И Димон туда же. Дин, открой окно и включи вытяжку. Мы тут задохнёмся.

В проёме двери показалась высокая девушка с короткой стрижкой и большими выразительными глазами.

– Блины почти готовы. И, кстати, получились.

Максим зашёл на кухню, разгоняя дым ладонью, сразу же открыл окно.

– Малыш, я же не заставляю тебя, сам могу приготовить. Ты не обязана кормить меня завтраками.

Дина пыталась совершить этот подвиг уже третий день подряд. Первый кулинарный опыт отправился в урну, вторую партию толстых комковатых шайб слопали Димон и Домовой. Сегодняшние блины выглядели почти съедобными. Максима всегда изумляло, как из одних и тех же ингредиентов получаются столь разные блюда. Как происходит сие неведомое колдунство? Этот рецепт блинов достался ему от бабушки, благополучно использовался уже несколько десятилетий и раньше никогда не подводил. Оказалось, не всё так просто. Дина пыталась угождать и порадовать, и это было чертовски приятно, ради такого стоило потерпеть эксперименты на кухне.

Максим бросил взгляд на работающий телевизор и потянулся за пультом. Не любил на завтрак новости. Там, как обычно, передавали подробности очередного ужаса. Помимо безрадостных мировых событий, с экрана выплеснулась сводка происшествий по Краснодару: ограбление, избиение и даже изнасилование в парке.

А вот Дина всегда смотрела сводку новостей и криминальные программы, где подробно обсуждались самые горячие преступления. Увидев чёрный экран, промолчала. Вероятно, подозревала, что Максим выключит телевизор, поэтому всё, что хотела, успела посмотреть заранее. Тишину Дина не любила, предпочитала разбавлять её фоновым бормотанием.

Максим отодвинул стул и похлопал по мягкому сиденью, привлекая кота. Домовой заглянул в комнату, с опаской пробрался вдоль стены и, прыгнув на колени Максиму, довольно заурчал.

Дина поморщилась. Ей не нравилось, что животные слоняются по кухне и разбрасывают шерсть в непосредственной близости от еды. В принципе, ничего против кошки в квартире она не имела, но здоровенный лабрадор напрягал и пугал. С ним точно следовало считаться. Дружелюбный на вид пёс ей не доверял, наблюдал ежевичными блестящими глазами, словно оценивал, насколько новая соседка достойна его хозяина. Раньше Максим не оставлял на постоян-

ное жительство ни одну особу женского пола. Несколько лет они жили втроём, чисто мужской компанией, и всех это устраивало.

Дина обитала в квартире всего неделю, чувствовала себя неуютно, хотя удачно вписалась в «3D» Максима, будто он её нарочно выбрал из-за имени, решив не отклоняться от традиций: Димон, Домовой, а теперь и Дина.

Предложение съехаться прозвучало неожиданно. Максим был шокирован собственной решительностью, но не отступил. Пришло время переходить на новый уровень отношений, сколько можно вкладываться в культурную программу, напрашиваться на кофе, а утром сломя голову лететь в свою квартиру?

Апартаменты Максима произвели на Дину впечатление, но вовсе не размерами и не великолепием – обычная трёхкомнатная квартира в новостройке со свежим ремонтом и минимальной меблировкой. Холостяцкое логово напоминало склад увлечений, будто тут жил не один человек, а целая компания непоседливых, адреналинозависимых подростков, чуть-чуть творческих, слегка безалаберных. Сразу за порогом её встретил сноуборд и два скейтборда, на вешалке среди кепок и ветровок висело альпинистское снаряжение, будто Максим надевал его, выходя на улицу. То, что обвязка с карабинами затесалась среди часто используемых вещей, настораживало.

На этом сюрпризы не закончились. В центре самой большой комнаты расположилась барабанная установка, на кресле лежали пейнтбольный маркер и маска с цветными разводами на линзах. В углу примостились лыжи и ходули. Именно ходули, вполне современные, выгнутые, словно лапы кузнечика. На городских праздниках такие штуки надевают специально нанятые актёры. Дина недоумевала: зачем они Максиму? В окна заглядывать да малышкой пугать?

Она и раньше знала, что парень любитель экстремального отдыха, часто в беседах он упоминал то гонки на картингах, то какие-то совместные турпоходы или мотокросс, но то были слова, тема разговора, которую она поддерживала из вежливости. К тому же Максим умел интересно травить байки, и это звучало как пересказ приключенческого романа в духе Жюль Верна. Теперь же она воочию убедилась: Максим живёт этим, а Димон и Домовой – это часть его обыденности, с ними тоже придётся смириться.

Первый порыв сбежать и вернуться к романтическим встречам пару раз в неделю она едва сдержала. Подвижный отдых и экстрим – это вообще не про неё. Дину устраивало то, что Максим – хозяин пекарни-кондитерской и сам наделён сахарно-мучным талантом. А вот остальное пусть остаётся за кадром.

Максим, естественно, заметил растерянность Дины, он тоже чувствовал себя не совсем комфортно, впервые в его логове оказалась женщина. И теперь она пыталась угодить ему на его же кухне, что было похвально, но в принципе невозможно.

Дина подвинула к нему тарелку, чуть склонилась, ожидая похвалы.

Максим с опаской откусил. Принялся медленно жевать, поглядывая в открывшееся взору декольте. Пожалуй, ради возможности наблюдать Дину в таком соблазнительном виде, стоило съехаться.

Она ожидала его вердикта молча, немного напряжённо.

– Ну как?

– Дин, ты делаешь успехи, скоро пойдёшь ко мне работать, – слукавил Максим. – Повезло тебе, с начальником уже знакома, возьмёт по блату.

Дина улыбнулась, скованность тут же отступила. Естественно, она поверила Максиму. В хорошее всегда проще верить, вдобавок он умел так искренне льстить, что заподозрить его во лжи было просто невозможно.

После завтрака Максим поменял лоток Домовому и выгулял Димона. Вернувшись с улицы, застал Дину у зеркала, она подкрашивала ресницы. Периодически отклоняясь от отражения, она придиричиво разглядывала макияж. Максим наблюдал за ней, не скрывая восхище-

ния. Всё-таки как удачно они познакомились на байк-фестивале. Дина оказалась там случайно, в компании брата. Её привлекло слово «побережье» в названии мероприятия. Комфортным отдыхом у моря, конечно, и не пахло. Спать пришлось в палатке и умываться из бутылки. А туалет выглядел как вход в преисподнюю и пах соответствующе. Если бы не Максим, Дина сбежала бы из этого дикого мотокошмара в первый же день.

Открытки не приходили почти неделю, Максим заскучал по всплескам адреналина, отправился на фестиваль за приключениями, повстречал Дину и понял, что впервые за долгое время серьёзно влюбился.

Его поразила её наивность и неиспорченность, и чертовски польстило то, что он оказался у неё первым мужчиной. Близость случилось по всем правилам, на шелковых простынях, после трёх месяцев знакомства и решающего романтического свидания. В спальне Дина была нежной, пугливой и пока ещё жутко стеснительной. Максим прекрасно понимал, что требовать от неё порывов опытной куртизанки рискованно и глупо. Он выбрал воспитанную девушку, такую не стыдно познакомить с бабушкой и показать друзьям. А стереотипы, что женщина должна быть «хозяйкой на кухне, королевой в гостях и проституткой в постели», всё это бред сивой кобылы, нельзя требовать от человека того, что ему не свойственно. Не сочетается стеснительная скромница с сексуальной развратницей. Это два разных человека. Максим всё понимал и принимал как должное, а навязчивое желание срочно кого-нибудь уговорить полежать рядом осталось где-то в пылкой юности. Теперь он вполне контролировал своё либидо.

Совместное проживание стало очередной ступенькой, ведущей к свадьбе, где-то в глубине души Максим это понимал и немного боялся ответственности.

После завтрака Дина ушла первая, она работала в салоне красоты бровистом. Когда Максим только узнал об этом, то хотел пошутить, но увидел во взгляде кроткой Дины предупреждение. На шутку она бы обязательно обиделась, свою работу девушка считала важной и частенько повторяла любимую фразу: глаза – картина, а брови – рамка. В разговоре с друзьями Максим называл салон Дины багетной мастерской, но при ней удерживался от сарказма. За годы получения странной корреспонденции неоднократно убеждался, что брови, причёска и другие косметические манипуляции с внешностью реально могут повернуть судьбу на новую дорогу, у женщин это вообще срабатывало мистическим образом.

Спускаясь на первый этаж, Максим ощутил покалывание на коже, лёгкое и приятное, словно дуновение тёплого ветра после купания в море. Это означало только одно – его ждала открытка. Максим неосознанно ускорился, приблизился к ряду ящиков и щёлкнул замком на одном из них. На ладонь выпал разноцветный прямоугольник. Лицевую сторону занимало фото перекрёстка с подмигивающим светофором, а с обратной стороны привычным уже нервным почерком описывалось событие, которое не должно произойти. Максим перечитал несколько раз и ощутил трепет нетерпения.

Такое случалось нечасто. Он понимал, что от его вмешательства или невмешательства в любом случае зависит чьё-то будущее, но сегодня предстояло спасти человека от смерти. Такие важные открытки он обожал. Ощущение собственной значимости разбухало до астрономических размеров. В принципе, Максим мог заниматься чем угодно, ему не нужно было искать и добиваться трёх составляющих счастья. У него уже было дело всей жизни, большая тайна и то, что делало его особенным. Ну и Дина, конечно.

До «часа икс» оставалось чуть больше двух часов. Опоздать или прийти в последнюю минуту в этот раз было бы непозволительным легкомыслием. Максим бросил взгляд на велосипед у перил, немного подумал, но замок отстёгивать не стал, засунул в карман и ключи от машины. Лучше пешком. Сегодня ему самое место на тротуаре рядом с девушкой, которую предстоит спасти.

Сначала он отправился в кондитерскую. Поздоровавшись с «гаремом», не забыл выделить новенькую персональной улыбкой.

Катя в ответ смущенно кивнула и отвела взгляд.

– Максим Леонидович, сделать вам кофе? – спросила она, как только он отвернулся.

– Да, пожалуйста, Катюш. Только не забудь галочку поставить. Будет потом Юзефовна искать, кто выпил в апреле неучтённые литры.

Бухгалтер любила порядок во всём, ревизию предпочитала любому другому отдыху. Это было её персональное маниакальное развлечение.

Катя засияла. Когда Максим ей так улыбался, она готова была оплатить его кофе из своего собственного кармана, а ещё и «Катюш»... ну как тут можно устоять?

Потом показалась сама Юзефовна, покачала головой и украла Максима для важной беседы. Пока она рассказывала о необходимости поменять поставщика упаковки для продажи навынос и жаловалась на безалаберность новой официантки, Максим рассеяно кивал, прислушивался к внутренним ощущениям. В груди бурлило, взбаламучивая пузырьки нетерпения, чуть зудело и растекалось тёплым мёдом. Невозможно было стоять на месте, хотелось двигаться, что-то делать и творить будущее. Он невнимательно дослушал Валерию Юзефовну и на всякий случай быстро согласился с её разумными доводами.

– Лер, делай всё, что считаешь необходимым. Какое у нас сегодня блюдо дня?

Юзефовна не успела ответить, вклинилась Наташа, заглянувшая в открытые двери кабинета.

– Творожные кексы с заварным кремом. Мы их раньше не готовили, ты обещал поделиться рецептом из своей тайной книжечки.

Юзефовна слегка смутилась, не ожидала, что их голоса звучали настолько громко, и приватная беседа привлекла невольных слушателей.

Максим бросил взгляд на часы.

– Вернусь через пару часов, сегодня уже ставьте что-нибудь другое. Профитроли, например. Кексы завтра утром печь будем.

Наташа приподняла бровь.

– Сам собираешься готовить?

– Так и быть, поделюсь рецептом и сделаю первую партию. Хочешь помочь?

– Конечно, хочу.

Максим ничего не сказал, но оглядел Наташу таким жарким взглядом, что она покраснела интенсивнее пугливой Кати.

– Договорились, – нарочно загадочно произнёс Максим и задержал взгляд на её пышной груди, а потом ещё и оглянулся у выхода. Да, в его жизни появилась Дина, но окончательно отпустить Наташу он ещё не мог, оставил как отраду для глаз, а иногда – для рук.

Погода располагала к прогулке, Максим зашёл в парк, полистал ленту в социальных сетях, забронировал на выходные домик на Красной поляне. Дина вряд ли обрадуется поездке, но для неё там есть и вполне культурный отдых, никаких палаток и подготовки на костре.

С деревьев облетали лепестки, сыпались снегом на тротуары и скамейки, насыщали воздух сладким ароматом весны. Время тянулось медленно, открытка жгла сквозь карман, вибрировала. Максим буквально чувствовал, как плетутся нити судьбы, как сворачивается реальность, приближаясь к той самой точке на перекрёстке. Приятный лёгкий зуд превратился в напряжённое ожидание, внимание обострилось, пульс ускорился.

Пора.

Максим приблизился к пересечению дорог, изображённых на фото. Перекрёсток регулировался светофором, обзор не закрывали деревья или рекламные щиты, казалось, нет в нём ничего опасного, разве что интенсивность движения.

В нескольких метрах от Максима открылась дверь зоомагазина, на тротуар вышла девушка, похожая по описанию на ту самую, которую предстояло спасти. Она вставила в

уши наушники, достала телефон. Прижимая локтем упаковку корма для попугаев, принялась листать мелодии в плеере, выбирая подходящую под настроение.

Максим чуть помедлил и двинулся следом. Девушка приблизилась к перекрёстку. Несмотря на то, что горел красный, останавливаться она явно не планировала, шла, всё так же уткнувшись в экран. Максим догнал её, дернул за локоть в метре от дороги. Буквально через пару секунд мимо пронеслась машина. Поток горячего плотного воздуха обдал с головы до ног, но даже это не навело девушку на мысль, что нарушение правил могло закончиться трагедией.

Она вздрогнула, наконец-то отвлеклась от телефона и посмотрела на Максима с искренним удивлением и негодованием.

Он отпустил её локоть и разжал кулак.

– Кажется, это вы потеряли.

На его ладони лежала смятая пятисотрублёвая купюра. Максим, не глядя, нащупал её в кармане, только сейчас увидел и тихо пораздовался, что достал не пятидесятничную. На автовокзале представление с потерянными деньгами прошло с успехом, и он не стал изобретать велосипед, повторил его на бис. Обаяние включать не стал, ситуация начисто лишала лёгкости и игривости.

Девушка нахмурилась, принялась копать в карманах, неловко перекладывая упаковку с кормом из одной руки в другую. На секунду она остановилась и потянула ремешок сумочки.

– Не моё, – проверив кошелёк, она снова щелкнула застёжкой, – я картой расплачивалась.

– Ну, тогда извините, показалось, что это вы обронили.

Девушка и не заметила, что едва не попала под машину, гораздо больше её волновала купюра, которую она по глупости не назвала своей. Пятьсот рублей ей бы не помешали. Она заподозрила Максима в банальной попытке познакомиться или, что ещё хуже, в дешёвом разводе.

– А может, и моя. Не помню. Возможно, в кармане были деньги.

Максим не слушал её, дежурная улыбка сползла с его лица, а внутренности будто стянуло узлом в предчувствии чего-то жуткого и неотвратимого. Он неспешно перевёл взгляд на дорогу.

Время замедлилось, заколыхалось, словно марево над горячим асфальтом. Максим рассматривал перекрёсток, с удивительной чёткостью неосознанно отмечая детали. Пока он спасал девушку, успел смениться сигнал светофора, на таймере отсчитывались последние секунды зелёного света. По диагонали от него собралась небольшая плотная толпа, ожидающая возможности перейти дорогу. Среди людей мелькнула кудрявая тёмная макушка. В этот раз Максим рассмотрел Зою и уже не сомневался, что это она. Очень уж у неё была специфическая внешность. Да и изменилась она несильно. Зоя отошла назад, поправила ляжку рюкзака и перевела взгляд на рекламу мебельного магазина. В его сторону не смотрела, явно о чём-то задумалась.

По дороге, пересекающей улицу, на которой едва не состоялась трагедия, неслась недорогая потрёпанная иномарка с урезанным клиренсом. Этот «крокодил» едва не скреб днищем по асфальту. Через опущенные окна пульсировали басы, опережающие машину на несколько метров. Где-то вдалеке слышался прерывистый тревожный сигнал скорой.

Поравнявшись с пешеходным переходом, водитель иномарки неожиданно затормозил, хотя мчался с явным намерением проскочить перекрёсток в последние секунды. Водитель «газели», следующей за «крокодилом», не ожидал такого манёвра и на всей скорости вписался в его задний бампер. Обе машины вылетели на проезжую часть.

Сигнал скорой уже не звучал далёкими вспышками, внезапно оглушил рёвом чуть ли не над ухом. Реанимационная ярко-жёлтая машина не успела притормозить и вонзилась в развернувшуюся поперёк дороги «газель». Искорёженная иномарка снова оказалась под ударом, её отбросило в сторону пешеходов, замерших истуканами в опасной близости от дороги. Они кинулись враспынную, но успели не все. Двоих просто снесло и впечатало в забор.

Скорая проехала ещё несколько метров и, завалившись на бок, рухнула в бетонированный вдоль обочины канал. Послышался скрежет и визг тормозов.

Ещё одна машина не успела остановиться и влетела слипшиеся на середине дороги автомобиля, отскочила, словно мячик, и сделала полуоборот вокруг своей оси. Сила удара уже не была такой ошеломляющей, металл прогнулся, но салон практически не пострадал.

Иномарка, виновница аварии, сплющилась с нескольких сторон и уже не напоминала автомобиль, превратившись в груды железа. Скорая лежала на боку, продолжая вращать колёсами, похожая на беспомощного перевернутого вверх лапами майского жука. Вокруг «газели» начали собираться люди.

Всё произошло за считанные секунды. Максим не успел понять, как солнечное утро, увенчанное спасением жизни, превратилось в такую страшную катастрофу. Прежде чем девушка, о которой он уже забыл, выронила упаковку с кормом для попугаев и начала медленно оседать, он успел вызвать МЧС.

Максим подхватил её под мышки и замер, продолжая рассматривать место трагедии. Времени прошло совсем немного, а дорогу уже перекрыли, гомон голосов, крики, разговоры и ругательства слышались со всех сторон. Максим перехватил бесчувственное тело удобнее и отошёл со своей ношей к ближайшему магазину. Аккуратно опустил девушку на ступени, положив под голову сумку. Снова посмотрел на дорогу. Никак не мог отвести взгляд от жуткого зрелища. Почему такие вещи всегда притягивают, словно магнит? Невозможно не смотреть, когда на твоих глазах обрывается жизнь.

На тротуаре столпились пешеходы, успевшие спастись от смертоносной иномарки. Среди них была и Зоя. Она выглядела растерянной и удивлённой, прижимала ладони ко рту и что-то шептала. Кажется, молилась и ругалась одновременно. Она не пострадала, только джинсы испачкала и выглядела ещё более взъерошенной.

Максим дождался, когда девушка на ступеньках придёт в себя, и пошёл домой. Когда он уходил, на месте аварии уже работали спасатели, воздух потяжелел от запаха крови. Кроме равнодушных и шокированных, в стороне столпились зеваки, снимающие чужое горе на телефоны. Они хаотично перемещались, сталкиваясь плечами, пытались выхватить наиболее удачные кадры, желательно с видом на трупы или хотя бы на алые пятна. Вечером Дину будет ждать новый выпуск жутких местных новостей с комментариями очевидцев.

Такого с Максимом ещё не случалось. Почему открытка касалась спасения одной жизни, когда авария унесла как минимум четыре? Ещё неизвестно, что произошло с пассажирами скорой. Реанимационная машина не просто так торопилась в больницу.

Кто решает, чья жизнь должна продолжаться? Чем эта девушка с птичьим кормом так важна для будущего, и почему незначительны погибшие в аварии? Вопросов было много, они толпились в голове, смешиваясь с непривычным чувством беспомощности.

Лёгкости и радостной наполненности, как обычно после выполнения задания, не случилось, наоборот, навалилась такая тоска, хоть вой. Максим забыл об обещании вернуться в кондитерскую и пошёл домой. Открытка всё ещё жгла карман и казалась невероятно тяжёлой.

На звонок в дверь глухим лаем отозвался Димон. Дина творила красоту в «багетной мастерской» и обещала вернуться к ужину. Отгоняя весёлого и не в меру приставучего пса, Максим прошёл в спальню, достал со шкафа несколько коробок из-под тортов, хранящих его коллекцию. Самой последней извлёк узкую обувную, похожую на маленький гробик. Её и открыл первой.

На дне лежало несколько открыток, немного мятых и поблекших. Каждую он помнил чётко, словно достал их из почтового ящика только вчера. Открытки-неудачницы. Самая первая, полученная в пятнадцать лет, тоже была здесь. Он тогда вообще не понял, что от него требуется, просто из любопытства пошёл по адресу, указанному в строке отправителя.

До поступления в институт он жил у бабушки за городом, успешно покорял сердца одноклассниц и увлекался всем на свете, гордо нёс звание старосты класса и купался в привилегиях «первого парня на деревне». Любопытство, позёрство и неуёмная энергия определяли девяносто процентов его поступков.

Адрес привёл его в дом, где случилось горе. Хозяева готовились к похоронам. От Максима требовалось загадочное действие: «помешать соседу семьи облить ворота трупной водой». Звучало как строчка из ужастика, но, благодаря бабушке, Максим не удивлялся причудам человеческой фантазии и к суевериям относился с должным почтением. Плевать через левое плечо отучился только в третьем классе, а перекрещивать рассыпанную соль – в пятом. Однажды в школьной столовой, уже выпускником, он забылся и по привычке осенил крестом белую кучку. Дружный хохот не заставил себя долго ждать. Максим догадался перевести оплошность в шутку: перекрестил всех, кто находился рядом, и пожелал выйти из столовой живыми. Благо краснеть не умел, и одноклассники легко поверили в его лицедейство.

В первый раз он не помешал, просто проследил за соседом и убедился, что тот сделал именно то, что было написано на чудной открытке. Тайный отправитель не ошибся и точно предсказал будущее. К чему в итоге привело его невмешательство, куда повернула судьба, Максим так и не узнал. После похорон эта семья недолго прожила в Краснодаре, почти сразу они продали дом и уехали.

Получив следующую открытку, Максим уже не колебался, вмешался и сделал всё, как нужно. Первая удачная запомнилась лучше всех. Кажется, тогда он всерьёз задумался о том, чтобы стать кондитером.

Чуть позже обратил внимание на странные ощущения, предшествующие пополнению почтового ящика. Поначалу приписывал это подростковым гормональным качелям. Разговаривать с бабушкой о причудах своего взрослеющего тела стеснялся, мама чаще отсутствовала и явно не годилась на роль внимательной слушательницы. Отца он никогда не знал. Фамилию носил по маме, а отчество ему «подарил» режиссер любимого бабушкиного фильма «Бриллиантовая рука». Пришлось Максиму получать половое воспитание посредством популярной тогда у молодёжи газеты «СПИД-Инфо».

Свою «почтовую избранность» он принял как должное – легко и с удовольствием. Ни с кем не делился персональной тайной, с упоением наслаждался возможностью влиять на будущее. Увлечённость всем подряд и умение нравиться людям ему здорово помогали. Он не чувствовал себя актёром, это было бы слишком мелко. Считал себя избранным и наслаждался каждой открыткой. Не всегда от него требовалось вмешательство. Иногда, наоборот, полное бездействие, и при этом нужно было проследить, чтобы никто и ничто не вмешалось в ход событий. Такие задания были скучными, но, к счастью, выпадали нечасто. А тех, с которыми он не справился, было ещё меньше.

Открытку с перекрёстком Максим отправил к неудачницам. Уже закрыл крышку, но потом передумал и переложил в коробку из-под торта. Всё-таки своё задание он выполнил. Авария не его вина и не следствие ошибки или промедления. Он сделал всё правильно, просто... кто знает, какие планы у судьбы?

Это объяснение не слишком помогло успокоиться, перед глазами всё ещё стояла жуткая картина: реанимационная машина, искореженная иномарка, отвратительный густой запах крови и бензина. В ушах фантомной какофонией звучал скрип тормозов, крики, скрежет вминаемого металла и самый жуткий звук – глухой, немного влажный удар о забор.

Максим убрал коробки на шкаф и, накинув кофту, вышел из квартиры. Он долго бродил по городу, разглядывая почтовые ящики, дважды зашёл в почтовое отделение, понаблюдая за работой операторов связи и людьми в очереди. На него не обращали внимания, при удивительно заметной внешности он умудрился превратиться в невидимку.

Когда город окутали сумерки, ноги сами понесли Максима в кондитерскую. Кроме Юзефовны и уборщицы, в зале никого не оказалось.

Валерия выразила удивление вскинутыми вверх бровями.

– А мы чуть не закрылись.

Максим обошёл прилавок, включил кофемашину.

– Я вас не буду задерживать. У меня есть ключи.

Валерия бросила короткий взгляд на женщину, старательно полирующую столешницу у окна, приблизилась к Максиму и склонилась над прилавком.

– Дина звонила. Тебя искала.

Максим на секунду задумался.

– Я ей сказал, что буду в кондитерской, – он перехватил многозначительный взгляд Валерии, – не нужно на меня так смотреть. Всё тривиально и скучно. Я бродил по городу, а телефон разрядился.

– А я и не осуждаю. Не моё дело, но Дине я сказала, что ты весь день был тут, просто вышел на время. Хотя я бы на её месте гораздо больше переживала, если бы так оно и было.

– Валерия?

– Что Валерия? Я так понимаю, Дина Наташу не видела.

Максим дождался, когда стаканчик наполнится кофе, и поставил на стикере, прилепленном к боковой стенке кофемашины, очередную галочку.

– Можешь мне не верить, но я влюблён. Дина другая, на таких, как она, женятся.

– Ого, – веско кивнула Валерия. – Ну, тогда я за тебя рада. Так ты за кофе пришёл?

Максим сделал глоток, перевёл взгляд на окно. Пока он бродил по городу, вечер сменился ночью. Плотной, южной, расцвеченной пятнами светящейся рекламы.

– Мне нужно просто побыть тут.

– Что-то случилось?

Проницательная Валерия давно заметила, что любые кулинарные манипуляции успокаивают Максима. До появления в его жизни Дины он частенько переживал бурные ссоры и расставания с девушками именно в кондитерской, зарывшись в муку и цукаты.

Максим не ответил, хотя перед его глазами снова пронеслась страшная авария, а волосы на затылке и руках встали дыбом.

– Ничего. Сделаю блюдо дня на завтра. Можешь идти, я закрою все двери и даже наведу за собой порядок.

Не дожидаясь ответа, он достал из ящика стола свою тетрадь с рецептами и открыл на нужной странице.

Когда замешивал тесто для кексов, ему удалось немного отвлечься. Но, готовя в сотейнике заварной крем, мыслями снова вернулся к катастрофе. Густая податливая масса напомнила, как легко, будто пластилиновую, смяло иномарку. В одно мгновение оборвались жизни нескольких человек. Ни водитель, ни пешеходы, оказавшиеся на пути автомобиля, никак не ожидали, что сегодня в последний раз встретили утро.

Размышления как-то незаметно вывернули к Зое.

Их не связывали отношения, он вообще о ней не вспоминал. Хотя нет, пару раз всё-таки случалось, но без печали или обречённости. Было и было. Весело и сумасбродно.

Шесть лет назад в июне бабушку положили в больницу с воспалением лёгких. Он взял отпуск на две недели и вернулся в Краснодар помочь с домом и проследить, чтобы бабуля не сбежала из больницы, как только почувствует себя лучше. Так и произошло, она запланировала побег, едва спала температура. Вооружившись авторитетом врача и подкупив медсестёр шоколадками, Максим удерживал бабушку в палате, пока не закончился курс антибиотиков.

Почти перед отъездом он обнаружил в старом почтовом ящике открытку. Это стало неожиданностью, корреспонденция давно уже приходила на его адрес в Иваново, а в те дни, когда он гостил у бабули, обходилось без вмешательств в чужие судьбы.

Задание не касалось Зои напрямую, под угрозой оказалось будущее незнакомого парня, в тот вечер ему нельзя было влюбиться. Максим мог сыграть роль случайного болтуна и поведать о постыдных болезнях Зои или наплевист о её несуществующем муже и детях. Но по опыту знал, если в деле замешана женщина, лучше всего действовать именно через неё. Максим отвлек Зою, заставив увлечься собой.

Это был просто приятный вечер, приятная ночь, без намёка на продолжение. Они не обменялись телефонами, не строили планов на будущее, называли друг другу только имена. А потом расстались, довольные ни к чему не обязывающим знакомством. Он уехал в Иваново, где жил и работал после института, а куда делась Зоя, не знал и не планировал её искать.

В Краснодар вернулся три года назад, когда бабушке понадобилась помощь. С каждым годом справляться с огородом и хозяйством ей становилось всё сложнее. Максим продал квартиру в «городе невест», купил тогда ещё коробку в новостройке. Перевёз и свой кондитерский бизнес, открыл пекарню.

Уже год он регулярно приезжал к бабушке почти на каждые выходные. Уговаривал сократить поголовье на птичьем дворе и не гнуть спину на картофельных грядках. Но та оставалась непреклонна, не привыкла бездельничать и обожала домашний куриный бульон. Пришлось пойти на компромисс. Она согласилась ополовинить огород и отказаться от посадки кукурузы.

Таймер на печке звонко тренькнул, оповестив о готовности кексов. Увлёкшись воспоминаниями, Максим и не заметил, как испёк две партии. Крем охладился, можно было приступать к завершающему этапу. А потом он всё-таки позвонит Дине. Мало ли что она себе успела придумать, хотя маниакальной ревности Максим за ней не замечал. И это тоже относил к бесспорным плюсам. Дина доверяла ему и не выносила мозг. Знала себе цену.

Посыпая кексы хрустящими орехами, Максим решил, что пора познакомить Дину с бабушкой. Завтра же позвонит старушке и огорошит приятной новостью. Она больше всех желала окольцевать единственного внука. Настало время двигаться дальше. Неизвестно ещё, какое будущее ему уготовано. Любой день может оказаться последним. Именно сегодня Максим осознал это со всей пугающей ясностью.

Фрагмент из записной книжки Максима «Путь к сердцу женщины». Творожные кексы с заварным кремом.

Взбейте сливочное масло с сахаром, затем по одному введите желтки. Белки не выбрасывайте сразу, соберите в миску и храните в холодильнике, пока не засохнут или не протухнут. Тогда можно выбрасывать без сожаления.

Масса должна получиться пористой и воздушной. Добавьте измельченный творог (лучше жирный, так вкуснее, а после кексов всё равно придётся идти в тренажёрку), потом просеянную муку. Выпекайте в предварительно разогретой духовке, при 180-190 °C 30-35 минут.

Пока кексы пекутся, приготовьте заварной крем. В сотейнике соедините желтки, муку, сахар, ваниль. Разотрите венчиком в однородную смесь. Добавьте немного молока (такого же жирного, как и творог, гулять так гулять) и размешайте до однородного состояния. Поставьте на небольшой огонь и влейте оставшееся молоко. Варите, непрерывно помешивая до загустения. В горячий крем добавьте сливочное масло и тщательно перемешайте. Часть крема можно съесть, пока никто не видит.

Наполните кексы остывшим кремом, освободив предварительно середину (серединки тоже можно слопать). Украсьте кремом сверху и посыпьте мелкорублеными грецкими орехами, предварительно просушенными на сковороде.

Нежные, ароматные, тающие на языке кексы с хрустящими орехами готовы. Подавать как угодно, это самые вкусные кексы на свете, съедаются до прикосновения с тарелкой.

4 Глава. Открытка «Торт»

Перспектива знакомства с бабушкой вызвала в Дине полярные чувства, и скрыть их она не смогла. Радость и страх. Максим всегда умел тонко чувствовать эмоции и легко считывал их с лиц даже незнакомых людей, а Дина была настолько безыскусной, что её он читал не просто как книгу, а как комиксы с намеренно утрированными изображениями охов и ахов.

Он притянул Дину вплотную, зарылся носом в её короткие волосы и попытался успокоить.

– Малыш, баб Маша у меня добрейшей души человек. С ней легко найти общий язык, а тебя она ждёт как пришествия Иисуса Христа и любит уже заранее.

Дина неуверенно хмыкнула и повела плечом.

– Макс, умеешь же ты преувеличивать, – она доверчиво прижалась щекой к его груди. – Я волнуюсь. Меня никогда ещё с родными не познакомили.

– Меня тоже, кстати, – намекнул Максим. – Бабушка у меня простая, ей легко понравиться. Правда, она, как бы это помягче сказать, верит во всякую чертовщину и приметы. Это даже плюс: по гороскопу ты мне идеально подходишь, она уже проверила.

Дину это точно не успокоило.

– А мама твоя приедет?

Максим вымученно улыбнулся.

– Нет. Мы только по телефону общаемся, а теперь ещё и по скайпу.

Дина хотела сказать, что это очень странно и как-то ненормально, но промолчала. Максим явно дал понять, что тема ему неприятна, и не захотел обсуждать свои отношения с мамой.

Ещё час Дина потратила на макияж и ревизию гардероба. Никак не могла подобрать подходящее платье, достаточно скромное и при этом элегантное, может, даже немножко ветреное, подчёркивающее её юность. Иногда рядом с Максимом она ощущала себя великовозрастной дамой, хоть и была младше его на одиннадцать лет, что стало для неё шокирующим открытием. Она не задумывалась о его возрасте, надеялась, что Максиму около тридцати, очень уж у него хобби несерьёзные, к тому же машине он часто предпочитал велосипед. Слишком много в нём было непосредственности и дурашливости, несвойственной его ровесникам.

Не так Дина представляла себе тридцатипятилетних мужчин. Уже узнав возраст, она стала присматриваться к Максиму внимательнее, заметила редкие седые волоски в тёмной шевелюре и лучи смеющихся морщинок вокруг глаз.

Максим не был инфантильным и поверхностным, но подчас казался слишком уж увлекающимся и лёгким на подъём. Когда звонили друзья, а их у Максима было множество во всех сферах, и предлагали очередную поездку среди ночи или незапланированное приключение, он, не раздумывая, соглашался на любую авантюру. Легко давал займы, одалживал автомобиль или пускал к себе в квартиру дальних родственников. То, что восхищало в нём как в человеке, совершенно не годилось для семейной жизни. Дина начала задумываться о том, что, если их ждёт совместное будущее, стоит подкорректировать некоторые привычки Максима, иначе «долго и счастливо» не состоится.

Прежде чем отправиться в гости, они заехали в магазин, где Максим купил всякой всячины вроде порошка, гречки и туалетной бумаги. Он никогда не обсуждал с бабушкой денежные вопросы, и так прекрасно зная, что пенсии ни на что не хватает. Молча закупался, запомнив в предыдущее посещение, что закончилось или на грани этого.

Краснодар оборвался неожиданно, только минуту назад небо подпирали высотки, а теперь вокруг расстилались домики в классическом сельском стиле, хотя на заднем плане виднелись всё те же многоэтажки. Слева строилась новая деревня из одинаковых тёмно-коричне-

вых финских домиков. Из деревенского в ней было только название. Этакий кусочек Европы, телепортированный под Краснодар.

Раньше посёлок, в котором вырос Максим, словно пуповиной, соединялся с городом трассой, его окружали поля и виноградники. Теперь же молодёжь разъехалась, а старики убывали естественным путём. Такими темпами скоро от посёлка не останется и следа, его поглотит стремительно расползающийся город или сожрёт европейская деревня.

Бабушка встречала их, сидя на скамейке у ворот и поглаживая разомлевшую на коленях кошку. Улыбалась загадочно, глядела пытливо и пристально, пытаясь рассмотреть пассажирку сквозь стекло.

Припарковав машину у забора, Максим выбрался из салона и подал Дине руку. От волнения её пальцы слегка подрагивали.

– Привет, ба, – он слегка подтолкнул девушку вперёд и обнял сзади. – Это моя Дина.

– Котя весь день намывалась, гостей ждала. Вот и приехали, голубчики.

Из калитки показалась седая морда старой собаки, для порядка она чуть оскалилась и пару раз тявкнула.

Дина от неожиданности вздрогнула, оглянулась.

– Она не привязана, укусит ещё.

Максим топнул ногой.

– Тяпа, не шерсья, свои. Кусать ей уже нечем. Древняя она. Димон, кстати, её внук.

Кошка прыгнула с тёплого насеста и, игриво обхватываясь хвостом, принялась тереться о ноги Максима. Дина с удивлением отметила, что даже кошачьи самки обожают его, да и собаки охотно слушаются. Под его обаяние безропотно и с наслаждением попадали все существа женского пола.

Максим помог бабушке подняться, подал палку. Старушка нехотя взяла ненавистную клюку, напоминающую о её немощи, и повернулась к Дине.

– Меня кличут Мария Павловна, можно баб Маша.

Дина кивнула и смущённо улыбнулась.

– Очень приятно познакомиться.

– Проходите, я стол пид яблонями накрыла.

Подворье оказалось небольшим, но уютным, ухоженным старательной хозяйкой. Стволы деревьев радовали глаз свежей побелкой. На прошлых выходных Максим как раз этим и занимался.

Стараясь не выглядеть слишком уж удивлённой, Дина бегло осмотрела двор. Под ажурными окнами низенького домика в рядок вытянулись алые тюльпаны, большую часть территории занимала сочная трава и старенькие скрюченные яблони, цветущие пышно и самозабвенно, будто в последний раз. Над входной дверью висела подкова, стену подпирал веник, перевернутый прутьями вверх. На крыльце стоял глиняный пустой кувшин, рядом с ним лежал букетик повядших анютиных глазок.

Видя в её глазах вопрос, Максим нехотя пояснил:

– Это бабушка дождь призывает. Примета такая есть. Даже две.

Дина медленно кивнула, она не разбиралась в приметах, не была суеверной, но в пожилых людях чудачества воспринимала как должное. Её бабушка каждый день разговаривала с кристаллом на цепочке и советовалась с ним, как с дипломированным астрологом.

Круглый стол сиял белой накрахмаленной скатертью, в центре возвышался пирог на блюде, накрытый полотенцем, вокруг пестрела россыпь тарелок, также спрятанных от мух и, видимо, вездесущей Коти.

Мария Павловна опустила на стул и указала на соседний.

– Сидай, детка. Какая ж ты красоточка, ну просто куколка. Максимка везунчик.

Дина растерялась, но было видно, как приятно ей получить такой искренний и неожиданный комплимент.

– Спасибо.

Максим хотел уже сесть, но Мария Павловна отпихнула его стул клюкой.

– Поди курам кукурузы порушь, тильке немного, а мы пока побалакаем с Диночкой. И воды дай. А будешь вертаться, захвати запеканку из духовки.

Максим поймал взволнованный взгляд Дины, ободряюще ей улыбнулся и поцеловал в макушку.

– Я быстро, не скучайте.

За домом начинались грядки, в последние годы сильно поредевшие и укоротившиеся. У Марии Павловны не хватало сил на весь огород, пришлось оставить половину в дар сорнякам. Максим регулярно косил траву, корячиться в этой части участка не позволял, угрожал, что в обратном случае забетонирует.

В конце участка за сетчатым ограждением важно расхаживали лохматые куры и несколько петухов. Максим неосознанно обратил внимание, что некоторые птицы становятся на одну ногу, значит, бабуля не только осадков дожждётся, но и похолодания. Он приостановился у большой корзины, взяв несколько початков кукурузы, открыл дверь загородки.

Его никогда не напрягали хозяйственные обязанности, он не стремился убежать в город. С бабушкой ему было уютно и тепло, в школе – весело и интересно. Как-то так получалось, что он добивался всего играючи и умел ценить то, что имел. С одноклассниками в основном дружил. Будучи лидером, даже с ботаниками находил общий язык.

Со школьным товарищем Толиком до сих пор регулярно отправлялся в походы и стрелялся на пейнтболе. А с большинством старых знакомых сохранил тёплые отношения, по большим праздникам до сих пор созванивался с некоторыми учителями.

Максим закончил первый початок, откинул пустую кочерыжку и взялся за другой. Мысли снова вернулись в школьное время, к первой влюблённости, а потом и к первой счастливой открытке.

В тот день мама собиралась в город. Сидела перед зеркалом и расчёсывала волосы, перекидывая их то на одно плечо, то на другое. Максим наблюдал за ней с нескрываемым восхищением. В детстве он собирался жениться на маме, ревновал её к постоянным ухажёрам, с большим удовольствием и выдумкой строил им мелкие пакости.

В пятнадцать он уже, естественно, понимал, что на родственницах не женятся, но восхищался мамой ещё больше. Какая же она была яркая, эффектная, заметная. От неё невозможно было отвести глаз, хотелось рассматривать, наблюдать за плавными движениями, вслушиваться в мелодичный голос. Вот она взяла тюбик помады, аккуратно и неспешно накрасила губы алым (других цветов мама не признавала, никаких бледных и натуральных), затем – флакон духов, распыляя облако сладкого аромата.

Он приблизился со спины, обнял и вдохнул медово-пудровый воздух, окутавший плечи туманом.

– Мам, ты такая красивая.

– Я знаю.

Ольга слегка повернулась, сохраняя королевскую осанку, и откинула волосы.

– Ты у меня тоже растёшь красавчиком. Жаль только, нос позволил покалечить. Нос – это важно. Он делает лицо красивым или уродливым. Он в первую очередь и определяет внешность. Не глаза, не волосы, а нос. Ну и зубы, конечно. Никто не заметит красивые глаза за вульгарным шнобелем.

Максиму тоже было жаль. Боксом он увлекался всего полгода, но успел заполучить перелом и небольшое сотрясение. Синяки только недавно сошли, нос пока ещё выглядел живописно.

Мама упорхнула в город в ярко-оранжевом платье, преподав очередной урок красоты и оставив после себя шлейф приторного аромата. Максим проводил такси взглядом и обернулся к дому. Утром он забрал из почтового ящика газету и оставил его пустым, но сейчас в проржавевшую прорезь проглядывал белый уголок открытки. Максима тут же накрыло странное томление, переходящее в нетерпеливый зуд. В нём угадывалось радостное предощущение, приправленное приятным дурманом.

Он достал открытку и сел на скамейку у забора, прочитал её тут же несколько раз. Предстояло интересное приключение и посещение праздника. От Максима требовалось загадочное действие – проследить за тем, чтобы именинник задул на торте все свечи и поверил в исполнение своего желания, а если вдруг не задует, помочь.

Адрес был Максиму знаком, в этом доме жила его одноклассница Светка Золотарёва, а торжество нынче было у ее младшего брата. Это облегчало задачу. С самим именинником он не общался, но в гости вполне мог нагряться, например, за домашним заданием. А ещё он нравился Светке и знал это наверняка после валентинки, полученной в феврале.

С тортом и свечами вышло гладко, никто и не заподозрил подвоха или наигранности. Максим словно в шутку предложил Игорю набрать побольше воздуха и потренироваться, а ещё запастись дующими помощниками. Свечи гасили всей компанией, весело и радостно, а потом Максим добавил на всякий случай:

– При такой поддержке любое желание исполнится. Обязательно!

Увидел, как глаза мальчишки радостно вспыхнули. Тот поверил, что всё возможно, что быть ему олимпийским чемпионом и прославлять страну на международном уровне. Такое нехитрое действие, как задувание свечей на торте, вселило в него надежду.

Максим ушёл с праздника довольный собой: за столом получил кусок торта, за сараем украл страстный поцелуй Светки и домой принёс ощущение собственной значимости.

Мама вернулась из города только утром, чуть пьяная и удивительно весёлая. Обняла Максима, обволакивая истлевшим ароматом духов, и пустилась танцевать под мелодию, звучащую в её голове. Полосы прозрачно-янтарного света ласкались, пронзая её силуэт светящимися лучами. Красная помада немного смазалась, оставив след на щеке, а платье помялось. Такой счастливой Максим её больше никогда не видел.

Словно в ответ на его мысли о маме раздался телефонный звонок. Максим поднёс к уху пустую кочерыжку, чертыхнулся, бросил её через забор и достал сотовый.

– Привет, мам.

– Привет, Макс. Как у тебя дела. Всё нормально? – голос звучал взволнованно и напряжённо. – Вчера весь день не могла до тебя дозвониться.

– Телефон разрядился, а я был в городе. Ничего страшного не произошло. – Максим невольно нахмурился. Он до сих пор с горечью вспоминал отъезд мамы. Казалось, давно простил, но всё равно горло сковывало спазмом. – Как у тебя дела?

– Весело, – тут же отозвался родной и до боли знакомый голос. У неё всегда всё было весело. – Собираюсь в Карелию посетить Рускеалу и водопады Ахвенкоски. Там, говорят, творятся чудеса.

– Пришлешь фотки?

– Конечно, пришлю! А ты мне Дину обещал показать, – напомнила она.

– Приезжай и посмотри, – не сдержался Максим.

На несколько секунд повисла тишина. Ольга вздохнула.

– Обязательно как-нибудь приеду. Пока некогда. Но фотки присылай.

– Хорошо, – привычно согласился Максим.

– Всё, я побежала. Пока.

– Пока, мам, – ответил он пустоте, уже раздался щелчок разъединения, и мама, как обычно, улетела в свою яркую праздничную жизнь.

Минуту Максим таращился на экран телефона. После таких звонков ему требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. Хотя и прошло почти двадцать лет, он до сих пор скучал.

Она уехала сразу после смерти дедушки, с тем самым мужчиной, измявшим её оранжевое платье. Так и не вернулась. Порхала по миру, заводила новые знакомства, меняла увлечения и места работы. Регулярно присылала деньги и звонила, но больше Максим её не видел, разве что на экране телефона или ноутбука. Она так и осталась суетливой райской птичкой, не позволившей себя поймать и окольцевать.

Максим сорвал веточку мяты, растёр пальцами, положил немного на язык и разжевал. Постоял в задумчивости и нарвал целую жменю терпких свежих листочков. К столу вернулся не сразу, залил водой горсть пахучей мяты и вынул из духовки запеканку.

Под яблонями шла оживлённая беседа. В основном говорила бабушка. Она громко рассуждала о кулинарном мастерстве и таланте повара, которые признала в Максиме только недавно, когда услышала, что у него появилась собственная страшненькая кастрюлька для варки свёклы и алюминиевая чеснокодавилка. Раньше она считала его кондитерские замашки блажью и временным помешательством. Чем угодно, но не источником дохода и призванием. Она настолько привыкла к его увлекающейся натуре, что ждала, когда он охладее к кухне и займётся чем-нибудь мужским. Максим успел сменить десятки увлечений, но свою кондитерскую не бросил. В последнее время начал ненавязчиво раздавать советы, и Мария Павловна не могла не признать: он знает в этом толк и явно обладает чутьём.

Благодаря бабушке, Максим полюбил кулинарное чародейство, научился у неё готовить по семейным рецептам, освоил маленькие хитрости, а потом начал экспериментировать. Любил сочетать несочетаемое, выискивать экзотические блюда и не боялся пробовать что-то новое. Бабушка же была почитательницей классических, проверенных годами поваренных книг и побаивалась необычных творений, родившихся на кухне Максима.

А тот решил не спорить с бабушкой, как обычно, отшутился и напомнил, как они делали печенье «картошка» в то время, как мама сидела на кефирной диете и считала калории в огурцах.

Дина неожиданно встала на сторону Марии Павловны, как повара Максима она не представляла, как хозяйина пекарни – вполне. Тем более теперь, когда узнала, что ему тридцать пять и намерения у него, кажется, самые серьёзные.

Максим сделал глоток чая, задумчиво проговорил:

– Помнишь, ты рассказывала, что в тот день, когда мама уехала, тебе священник встретился?

Мария Павловна веско кивнула.

– А ещё я верталась в хату да в зеркало не глянула, – она присмотрелась к Максиму. – Оля звонила, что ли?

– Звонила.

Мария Павловна печально вздохнула. Каждый раз, когда Максим вспоминал маму, ей становилось горько. Она видела на его лице и слышала в голосе непроходящую обиду. Плохо жить с таким камнем на сердце, тяжело. Со временем старушка сама уверовала в Ольгино объяснение и не преминула его повторить – уже в который раз:

– На твоей мамке сглаз был, да не обычный. Проклятье. Потому она и уехала, всем нам худо было бы подле неё. Не серчай на неё шибко, о тебе же и заботится. Она тебя любит.

Бабушка и мама верили в сглаз, но на всякий случай не ограничились собственными догадками, а сходили к местной знахарке. Та подтвердила, что все напасти, которые посыпались на их семью – это следствие чёрного проклятия. Подохшие от неизвестной болезни куры, отравленная кошка, несчастный случай с дедушкой – всё началось с чьей-то зависти и грозило извести весь их род.

Максим встряхнулся, взлохматил волосы, прогоняя неприятные мысли. Такие беседы могли напугать Дину, да и бабушку выставляли не в выгодном свете. Рассорить их не входило в его планы. Он широко улыбнулся, оглядел праздничный стол.

– Так что тут у вас? О, овсяное печенье, моё любимое. Я его, правда, с вишней делаю и орехами. По маминому рецепту, почти диетическому.

Он взял печенье и потянулся к вазочке с вареньем. Заметил две торчащие оттуда ложки и перевёл взгляд на бабушку.

– Ба?

– Что такое?

– Ты теперь сама приметы создаёшь?

Мария Павловна лукаво усмехнулась.

– Разве что маленько.

Дина непонимающе переводила взгляд с Максима на бабушку и обратно.

– И что это значит?

Мария Павловна нарочно молчала, ждала, что Максим сам объяснит.

– Две ложки в варенье – к свадьбе. Ба, ты ещё яблоко со стола урони или муху в чае утопи, а то намёк слишком прозрачный.

Дина неожиданно зарделась, как и все светловолосые и бледнокожие от природы девушки, сделала это ярко и заметно.

– Мы ещё не загадывали так далеко.

Мария Павловна пожала плечами. Намекнуть получилось, а дальше пусть молодые сами думают.

После чаепития Максим поправил покосившуюся загородку и починил уличный кран. К вечеру засобирались в город. Знакомство с Марией Павловной прошло гладко, но Дине всё равно не терпелось уйти из-под её внимательного взгляда. Хотелось остаться с Максимом наедине, а ещё обдумать странности в семье Любомирских, раз уж ей предстояло носить эту красивую фамилию.

Когда автомобиль уже отъезжал от двора, Максим бросил взгляд на старый почтовый ящик, положивший начало его тайной миссии. Несколько лет подряд он вынимал оттуда открытки и следовал указаниям неведомого отправителя. Как только переезжал, корреспонденция находила его на новом месте жительства с небольшим опозданием. Но именно этот ящик, старый, поржавевший и жутко скрипучий, стал для него напоминанием о зыбкости будущего, его иллюзорности и вариативности. Сколько раз он вмешивался в судьбы людей? Совершал что-то, на первый взгляд, незначительное, сущий пустяк, но будущее поворачивало на другую дорогу, рождалась новая реальность.

На угол ящика села бабочка, белая, невзрачная, почти незаметная. Сложив крылья, замерла, став частью стремительно отдаляющегося пейзажа. Максим смутно припомнил, что появление белой бабочки приносит неожиданные встречи со старыми знакомыми. Встреча так встреча, знать бы с кем.

Фрагмент из записной книжки Максима «Путь к сердцу женщины». Овсяное печенье.

Просушите на сковороде овсяные хлопья (они должны хрустеть и крошиться), добавьте нежное сливочное масло, яйца, сахар, немного овсяной муки. В получившуюся массу положите промытую сушённую вишню и орехи. Сформируйте шайбы и разложите на пергаменте для выпечки. Печенье расплывётся, учтите это и раскладывайте его на расстоянии не меньше двух сантиметров. Иначе приготовите овсяноблин. Это, конечно, вкусно, но неудобно.

Выпекайте в предварительно разогретой духовке при 180-190 °C 30-35 минут. Зависит от размера печенек.

Это печенье девушки любят за эпитет «диетическое». Можно их порадовать и проявить заботу о фигуре (внимательность и нежность порой привязывают лучшие хорошего секса).

5 глава. Ожидание открытки

Зоя шла на запах. После утренней тренировки и часового плавания в бассейне у неё разыгрался нешуточный аппетит. Перекус протеиновым батончиком стёрся из памяти и давно распался на молекулы. Есть хотелось жутко, аромат свежесваренного кофе и выпечки щекотал ноздри, заманивая в лапы коварных калорий.

Кондитерскую с чудным названием «Рогалик и булочка» Зоя заметила ещё в первый день работы в тренажёрном зале. Двухэтажное здание с вкусным названием располагалось напротив и немного по диагонали. Из окон тренажёрки виднелась стеклянная витрина и столики. Зоя иногда посматривала на счастливых посетителей булочной, но пока обходила её стороной. К сладкому она в принципе была равнодушна, в выборе между тортом и шашлыком отдавала предпочтение второму, на саму кондитерскую смотрела как на противника в борьбе за красивую фигуру.

Удивительное соседство для тренажёрного зала, этакий наглядный баланс: потребление калорий и трата калорий. Но, с другой стороны, есть шанс, что завсегдатаи булочной увидят в окне рекламу тренажёрного зала, и чувство вины перед собственным телом приведёт их к ней.

Зоя не планировала объедаться, хотела утолить голод горячим кофе и уже дома приготовить полноценный обед. Антон не требовал от неё исполнения регулярной кухонной повинности, но Зоя пока ещё находилась на стадии благодарности и стремилась показать себя с лучшей стороны. Готовила, убиралась, почти не огрызалась.

Она заказала капучино и села за длинный столик у окна, украшенного круглыми крупными лампочками. Вдоль стекла выстроилась батарея интересной мелочевки, какие-то фигурки, рамочки, сувениры, горшки с живыми цветами. Тут же стояли всевозможные добавки для кофе: корица, имбирь, карамель, несколько видов сахара и его заменитель. Зоя оглянулась, рассмотрела кафе пристальнее. Непривычно много деталей: разноцветные подушки в креслах, словно найденных на барахолке (все разные). На стене, имитирующей окрашенный кирпич, множество рамок всех размеров и форм с фотографиями и карандашными рисунками. Зоя не знала, давно ли существует кондитерская, или это намеренно созданный дизайнером уютный остров, пропитанный историей города и людей, пьющих здесь кофе.

Тут хотелось не просто насладиться выпечкой и горячим напитком, а провести время с книгой или за размышлениями. А вон на том диване с пледом на подлокотнике и ворохом подушек, хотелось задремать, вытянув уставшие ноги.

Зоя взяла свой кофе и снова развернулась спиной к залу, рассеянно прокручивая в голове утренние занятия и встречу с Павлиной. Теперь она поняла, почему Кирилл и Олег называют её Павликом. От первоначального варианта там почти ничего и не осталось. Грубый голос, квадратная неженственная фигура, сотканная из крепких канатов мышц, и замашки самого настоящего мужика. Павлина когда-то занималась пауэрлифтингом и, кажется, немного увлеклась. У неё давно сформировался свой круг клиентов, их она и привела в новый зал. Желающие округлить ягодицы или поправить физическое здоровье к ней не записывались. К Павлику шли за конкретным результатом – подготовкой к выступлению на соревнованиях по бодибилдингу и фитнес-бикини. Муштровала она жестко и эффективно, но бралась не за всех, принимала лишь тех, кто обладал хорошей физической базой и имел потенциал победителя.

Ещё с одним тренером, Костей, Зоя пока не успела пообщаться. Каждый раз, когда она приходила, у него заканчивались занятия или наоборот. Они кивали друг другу в знак приветствия и расходились в фойе зала. Если бы она встретила его на улице, никогда не догадалась бы, что он тренер. Костя производил впечатление классического выпендрёжника с «синдромом широкой спины».

Ему казалось, что он большой и могучий. Руки топорщились и не прижимались к телу, а в двери он входил полубоком, ибо спина, которую он ощущал гигантской, не позволяла проникнуть в помещение другим способом. Шея тоже поворачивалась только вместе с корпусом. Этакая слитная головогрудь, как у пауков или раков. Всё вместе это создавало образ мужика, который думает о себе как о чертовски мощном качке.

Обычно Зоя легко вычисляла бывших спортсменов и часто угадывала, чем они раньше занимались, но с Костей никак не могла определиться. Не было в нём ничего спортивного, скорее наоборот, хотелось загнать его на тренажёры, чтобы выправить осанку и подтянуть живот.

Несколько дней назад, когда Олег официально представил их друг другу, Костя сразу же присобачил к её имени фамилию «Космодемьянская». А она в ответ записала его в недруги. Зоя не встречала ни одной ровесницы или девушки младше неё с таким именем, а до бабушки пока не доросла. Довольно часто находились те, кто не мог смириться с таким коротким именем и тут же приписывал ей новую фамилию, а заодно и демонстрировал свой кругозор. Зоя ненавидела эту дурацкую манеру и с теми, кто величал её «Космодемьянской», у неё редко складывались хорошие отношения.

Племянница как-то сказала, что имя Зоя «бабушкино» и не может принадлежать ребёнку или девушке, хорошо звучит только с отчеством. Зоя сначала обиделась, а потом приняла это как данность. Какое-то время она ненавидела своё старомодное имя, потом смирилась, а недавно поняла, что полюбила его, как редкую болезнь, которой можно даже похвастаться.

Зоя пила кофе, разглядывая прохожих за окном, в разговоры, доносящиеся с разных сторон, не вникала. Пока не услышала за спиной знакомый голос. Не было в нём ничего особенного: ни бархатной мягкости опытного психолога, ни чёткости диктора, ни надрыва, как у рок-вокалиста. Обычный мужской тенор, слегка смешливый, спокойный и переливчатый. Но голос принадлежал Максиму, и это делало его особенным.

Зоя затаилась и намеренно прислушалась, даже дышать стала тише. Присутствие Максима она ощущала затылком, лопатками и немного поясницей. Почему-то сильно разнервничалась. Пальцы на краю чашки задрожали, пульс явно ускорился. С макушки до пяток пронеслась горячая колкая волна, как бывает, когда отсидишь ногу и восстанавливается кровообращение. Пульсирующе и немного болезненно.

Тут же в голову полезли неудобные мысли о том, что она зря не накрасила ресницы и не надела белую облегающую футболку, да и джинсы сегодня не самые удачные. Она потянулась к рюкзаку, чтобы достать зеркальце, но разозлилась на саму себя и резко отдернула руку. Хорошо ещё, что по закону подлости не встретила его, вынося мусор с утра, лохматая или серо-жёлтая после болезни.

Голос затих, и Зоя со всей чёткостью осознала, что Максим её узнал. Он не слишком вежливо оборвал беседу и, судя по шуршанию подошв по плитке, направился в её сторону. Каждый шаг отдавался эхом и вторил пульсу. Зоя волновалась и понимала это. С каким-то мистическим страхом ожидала его приближения. В горле пересохло, в животе похолодело. Это не было похоже на приятное томление, скорее на страх, как перед прыжком в пропасть или при встрече с бешеной собакой.

Максим замер за её спиной, несколько томительно-долгих секунд просто стоял, затем раздался скрип отодвигаемого соседнего стула.

Зоя застыла, зажмурилась, а потом распахнула глаза и повернулась.

Некоторое время они просто пялились друг на друга, молча разглядывали, отмечая изменения. Максим осмотрел её лицо с вездливой тщательностью, изучил каждую веснушку, каждую новую морщинку, а потом широко и удивительно искренне улыбнулся.

– Привет, Зойка. Не ожидал тебя увидеть. – Он имел в виду не кондитерскую, а город, и Зоя это поняла.

– Привет.

Она не знала, что ещё добавить и как вообще принято вести себя с человеком, с которым не связывает ничего, кроме смущающих воспоминаний. Наверное, она бы предпочла вообще с Максом не сталкиваться и оставить где-то там, в прошлом, в качестве приятного эпизода. Это даже хуже, чем разболтать случайному попутчику все свои постыдные секреты, а потом узнать, что он муж твоей сестры или клиент в тренажёрке.

А Максим смотрел так просто и открыто, будто ничего между ними не было, и они просто давние знакомые или коллеги. Не выглядел испуганным или взволнованным, скорее заинтригованным.

Он опустил взгляд на чашку с кофе, слегка приподнял бровь.

– Только капучино? Тут вроде неплохо готовят.

Зоя нервно передёрнула плечами, оглянулась на витрину и деревянные полки с выпечкой.

– Ты тут часто бываешь?

Максим неопределенно хмыкнул.

– Частенько.

Зоя чуть склонилась, заговорщически прошептала:

– Не отравят?

Максим загадочно улыбнулся, скосил взгляд в сторону официантки, а потом снова посмотрел на Зою. Она невольно отшатнулась. Опять это выражение лица, эта улыбка, эти жгучие глаза, которые шесть лет назад начисто снесли ей крышу.

Максим чуть придвинулся, неосознанно отметил, что Зоя не отклонилась, но затаилась и задержала дыхание.

– Точно могу сказать, что сегодня не отравят, – он снова улыбнулся, склонился, едва не касаясь носом виска Зои. – Сегодня меня нет на кухне. И травлю я только вредных посетителей.

Зоя удивлённо ойкнула.

– Ты тут работаешь?

Максим выдержал паузу и, не скрывая самодовольства, доложил:

– Это моя кондитерская.

Зоя задумчиво свела брови.

– «Рогалик и булочка»?

– Почему нет?

– Ну, очень по-женски называется.

Максим усмехнулся.

– А как я должен был её назвать «Батон и буханка»? – Он дождался улыбки Зои и продолжил: – А вообще, ты права. Это не моя идея, а дизайнера, как и интерьер.

Зоя сделала глоток кофе.

– Тут уютно.

– Спасибо, – великодушно откликнулся Максим. Новость о том, что он не просто повар, а хозяин кондитерской, мужчина озвучил с удовольствием. Не просто так вплёл в разговор, а умудрился ненавязчиво похвастаться. – Так что насчёт десерта? Будешь?

Зоя сморщила нос.

– Не люблю сладкое.

Максим вскинул брови, изумление не разыгрывал, действительно был удивлён.

– Так не бывает. Ты просто не нашла ещё тот самый десерт.

– Возможно, – не стала спорить Зоя. – Но и не хочется искать. Значит, это ты поставляешь мне клиентов?

– Нет, погоди, – Максим не готов был перевести тему, его беспокоила мысль о том, что кто-то не любит сладкое. – Сейчас. Я знаю, что тебе понравится. В подсознании всплыл кадр с подтаявшим мороженым, которое Зоя ела, раскачиваясь на качелях. Наслаждение на её лице угадывалось даже в тусклом свете луны.

Он встал, приблизился к витрине, бегло оглядел полки и приблизился к кассе.

– Катюш, солнце, дай-ка мне кусочек меренгового рулета. На меня запиши.

Катя протяжно вздохнула. А когда Максим оглянулся, ещё и горестно всхлипнула. Она видела, как он подсел к незнакомке у окна и, естественно, догадалась, кому предназначен рулет.

Подала Максиму тарелку с десертом и вилку и отвернулась.

Он заметил её обиду, но сейчас было не до того. Потом исправится, улыбнётся, откомплиментит, может, даже приобнимет. А вообще, полезно девушкам ревновать, будут трепетнее относиться к знакам внимания.

Зоя смотрела в окно, ждала возвращения Максима с непривычным волнением, старалась не думать об эмоциях, которые он всколыхнул. Она оправдывала своё состояние удивлением, ну и воспоминаниями. От них всё равно никуда не деться. Эта встреча ничего не значит и ничего не меняет. У неё есть Антон, у Максима, естественно, тоже кто-то есть. Просто беседа, просто кофе. Чего же она так глупо волнуется и два слова связать не может?

Максим сел, придвинул к ней тарелку и вручил вилку, умудрился не коснуться руки Зои, но она всё равно слегка вздрогнула от его близости.

– Он сладкий?

Максим кивнул:

– Сладкий, но ещё и освежающий. Попробуй. Муки здесь нет, тающий меренговый слой, холодный и нежный крем-пломбир, а внутри кисленький джем. Ещё и свежая клубника сверху.

Зоя отломил вилкой кусочек, но не успела поднести ко рту, Максим остановил её:

– Дай сюда, – он наколот кусочек рулета, потом ломтик клубники, макнул в чуть подтаявший пломбир, – нужно захватить все слои и ягоду.

Испугавшись, что он решит её кормить, Зоя перехватила вилку и, глядя на Максима, приоткрыла рот. Она никогда не любила есть прилюдно. Может, у кого-то это и выглядело эстетично, даже красиво, Зоя же чувствовала себя жутко неуклюжей, боялась попасть вилкой по зубам, неосторожно откусить слишком много, случайно просыпать еду или вымазать подбородок. Всё это случалось с ней на свиданиях в кафе. А бывало и хуже, однажды она зацепилась браслетом за скатерть и стянула её почти полностью вместе с тарелками. Но больше всего на её счету было столкновений с официантами, причем чаще всего не по её вине. Зоя предпочитала есть дома и желательно в компании с телевизором, чтобы собеседник не отслеживал её манипуляции вилкой, а пялился в экран.

Максим не собирался отворачиваться и облегчать её мучения, смотрел пытливо и пристально, ждал реакции на своё кулинарное чудо. Когда Зоя медленно жевала, он неотрывно следил за выражением её лица, неосознанно едва двигая губами.

Когда Зоя проглотила рулет, Максим чуть подался вперёд.

– Ну?

Она на секунду задумалась.

– Блин, вкусно. Реально вкусно. Сладко, конечно, и, наверное, жутко калорийно. Но вкусно.

– Нравится, значит.

Максим довольно улыбнулся.

– А ещё есть корзиночки с соленой карамелью и горьким шоколадом, гужеры с сыром, лимонные тарталетки. Они тоже не совсем сладкие. Но я был уверен, что именно рулет – твой. Такое необычное сочетание, сладкая лёгкость и яркий вкус. Десерт, которого никогда не бывает достаточно. Хочется ещё и ещё.

Зоя сделала вид, что не заметила двусмысленности в словах Максима, снова взялась за вилку. Она не обманывала и не пыталась сделать ему приятно. Такой десерт она раньше и не пробовала. На самом деле удивилась, что ей понравилось сладкое.

Максим взял себе кофе и вернулся, когда Зоя уже расправилась с рулетом. Она нарочно слопала всю порцию, практически не жуя, чтобы не пришлось доедать под его пристальным взглядом.

Максим передал пустую тарелку Кате, снова сел на стул. Хотел продолжить беседу, но Зоя резко встала.

– Мне нужно бежать.

Он заметно расстроился.

– Уже?

– Да, я и так задержалась, – Зоя чуть не добавила, что ей ещё готовить обед Антону, но вовремя прикусила язык и сказала совсем другое: – Никогда бы не подумала, что ты повар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.